

18+

Игнатий Смолянин

**Странствия
Мелидена**

Игнатий Смолянин
Странствия Мелидена

«Издательские решения»

Смолянин И.

Странствия Мелидена / И. Смолянин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984656-3

Псевдоисторическая фантазия XV века. Неодолимая цепь обстоятельств увлекает главного героя из места, напоминающего столицу Ивана III, в место, напоминающее далёкий западноевропейский город. Попутно, в ходе разных происшествий, узнаются нравы и обычаи тех знакомых, но необычных стран.

ISBN 978-5-44-984656-3

© Смолянин И.
© Издательские решения

Содержание

Предварительные пояснения	6
Часть 1. Опала	8
Глава 1. Ссылка	8
Глава 2. О деде	12
Глава 3. Об отце	14
Глава 4. Грют Полуденный	17
Глава 5. Липенск	21
Глава 6. Гиттин	24
Глава 7. Служба и расхождения в вере	28
Глава 8. Станичный поход	33
Глава 9. Тася и Аглавина	39
Глава 10. «Истинная вера»	45
Глава 11. Поле	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Странствия Мелидена

Игнатий Смолянин

© Игнатий Смолянин, 2020

ISBN 978-5-4498-4656-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предварительные пояснения

Мы понимаем, что многие из читателей данных записок не знакомы с местами, где происходят описываемые события. Они могут обратиться к «комментарии переводчика и составителя», помещённому в конце, либо сверяться с ним по мере надобности. Там же указаны особенности местного календаря и единиц измерений.

Предлагаемое жизнеописание составлено на основе воспоминаний самого Мелидена и людей, близко его знавших. Он был человеком много видевшим, памятьливым и наблюдательным, но не получившим систематического образования, обладал практическим умом, привык изъясняться кратко и по существу, что с неизбежностью наложило отпечаток на стиль изложения, несмотря на попытки составителей придать ему некоторую художественность ради более лёгкого восприятия. Добавилась и необходимость по возможности сокращать диалоги, чтобы удержать объем изложения в приемлемых рамках; в действительности многие разговоры были длиннее за счёт оборотов вежливости и прочих второстепенных отступлений; в ряде случаев соображения нравственности не позволяют их воспроизводить буквально.

Следует извинить и угловатость, появляющуюся вследствие перевода с другого языка и культуры. Выражение, естественное для одного места и времени, неминуемо выглядит странноватым и даже искусственным в языке, развившимся в иной среде. В то же время чрезмерная переделка иностранной речи на свой лад ради литературной гладкости неизбежно искажает смысл и правду, что порок еще худший. Приходится искать золотую середину – насколько это удалось, судить читателю.

Особенно велики вышеуказанные сложности применительно к поэзии, поскольку к проблеме перевода смысла добавляется почти неразрешимая проблема сохранения рифмы и мелодичности, заложенных в оригинале. К счастью, все встречающиеся в данном произведении поэтические фрагменты переведены другими лицами; на них лежит и ответственность за точную передачу. Это касается и цитат из классических произведений.

Также чужестранцу может показаться необычной просторечивость в некоторых именах и географических обозначениях. Связана она с тем, что повествование ведется с позиции героя, а не удалённого наблюдателя. Для человека, находящегося в привычной среде, всё выглядит знакомо и естественно, и эту понятность мы стараемся по возможности сохранить при переводе на другой язык.

Возьмем, к примеру, полководца античной древности Никомаха; для самого себя и окружающих современников он был Победобором и общался со столь же понятными и доморощенными Коневластами и Людоведами. Правильно ли его именовать в «иностранной» для него самого манере? «Если ты в Риме – живи как римлянин». Или фешенебельно-заграничная вершина Монблан – для окрестных козопасов всего лишь Белая гора среди столь же обыденных Чёрных речек и Хижин сырodelьни, а Куршавель – «Волосяной двор», что бы это ни значило.

Конечно, не следует впадать в другую крайность – если заимствованные слова новы и чужды как для персонажа, так и для нашей культуры, не стоит проводить изыскания ради попытки их перевода, лишь в редких случаях можно добавить разъяснение – глоссу на полях. Хотя и тут в ряде случаев уместно «учёный синоним», заимствованный из иностранного для героя языка, подменить таким же учёным синонимом в нашем языке. Как-то «раскольник» и «схизматик», к примеру.

Нет причин и придавать архаичность речи участников повествования, хотя они происходили из не слишком развитого по нашим меркам общества. Но для себя они жили здесь и сейчас, а не пятьсот лет назад. Поэтому современный для них язык будет справедливым переводить современным для нас языком. Хотя с неизбежностью пропадает некоторая часть речевого

колорита, так как сугубо местные слова и речевые обороты не всегда удаётся полноценно заменить аналогичными словами из нашего языка.

Итак, приступим с богом, если кто еще верит в потусторонние силы.

Часть 1. Опала

Глава 1. Ссылка

Настроение собиравшегося перед рассветом Мелидена ближе всего передавало слово бесприютность. Еще не отчаяние, но щемящая тоска вкупе со странным освобождением погорельца, разом лишившегося всего нажитого. Мрачный сумрак предпоследней «заячьей» стражи усугублялся весьма зябкой погодой. Хорошо, что хоть не мороз.

Действительно, всё достигнутое к тридцати годам, вся, как мы сказали бы, карьера шла к очевидному и неотвратимому краху. Весь устоявшийся образ жизни подходил к концу. Другие к этой поре расцвета пожинают плоды предыдущих усилий, прочно встают на ноги, начинают наслаждаться почётом и достатком. А он отправляется на средиземскую границу как служилый дворянин-однорец самого низшего разряда, какой не может себе позволить даже оруженосца. Точнее, его не требует половинный размер держания, что унижительно само по себе. Причем отправляется он не в составе бодрого и весёлого отряда, знающего, что следующей осенью или весной вернётся домой, а по личному письменному предписанию. Без указания срока. То есть в пожизненную ссылку, называя вещи своими именами.

Довод, что подобных ему множество было и будет, что большинство в таком же или худшем положении с рождения, не утешал. Пусть другие думают о себе. Он не другие. И сидеть в болоте с рождения не то же, что рухнуть в него с высоты. Более того, не стоит заблуждаться – те, кто его в болото опустил, не успокоятся, пока не утопят окончательно. Поэтому сидящие в болоте привычно и неприметно в куда лучшем положении.

Истины ради, оруженосца Мелидену всё-таки предоставил князь Барух, от которого он формально держал менее чем половинное поместье в Угрусском уделе (треть «служилой сохи»), и за ним надо было заехать в Барухов двор. Но какого оруженосца? Мелиден уже познакомился с ним пару дней назад. «На тебе боже, что нам негоже». Огромный отрок с лицом или, скорее, мордой столь же тупоумной, сколь вороватой. Который и был только что бит палками на миру за мелкое воровство, причем безыскусное до нелепости, так что дурость заслуживала палок больше, чем кража. Яснее ясного, что князь Барух сбегивает своего провинившегося слугу так же, как великий князь Ларс Вагуниг прогоняет самого Мелидена. И как служить с таким безнадёжным вором, да еще слабоумным. Такой и хозяина подведёт под монастырь, будто у него мало своих забот.

Конечно, Мелиден мог взять слугу семьи Гершеню, человека умелого и надёжного. Но это значило бы оставить без помощи мать и Людмилу. Да и зачем Гершене на старости лет разделять изгнание Мелидена. Должна быть справедливость, каждый обязан нести свою ношу сам.

Сама Людмила восприняла его изгнание с покорностью судьбе, заставляющей усомниться в глубине её привязанности. Для Мелидена это был еще один нож в сердце. Первое, о чём она вспомнила, была недавно виденная комета, предвещавшая несчастье. Припомнилась и редкая для осени гроза, когда молния спалила опочивальню в загородном дворце великого князя Ларса. В действительности это случилось достаточно давно, чтобы приплетать к Мелидену несчастью. О прочих зловещих знаменованиях, вроде рассказней об упавшем с небес гробовом камне с таинственными письменами, не стоит и говорить. Эти бабьи суеверия, призывы молиться перед иконами и попытки привесить освящённую ладанку на его шею не вызвали ничего, кроме отчуждения и раздражения в ожесточившейся Мелиденовой душе.

Размышляя подобным образом, Мелиден через речку Самотёку и ворота Белого города проехал на Барухов двор к северу от Троицкой башни, где его уже ждал тот самый слуга-оруженосец Важиня (называть его Вагуном язык не поворачивался, ведь это слово означало «царь»

в Грюте Великом). Сидел Важиня на мелком по его размерам мохнатом коньке, наверняка купленном за рубль у поганых. Такой же заводной стоял рядом. Бросив несколько хмурых слов придурку, Мелиден перегрузил часть своей поклажи на заводную лошадь, уже несущую мешки с овсом, скатанную кошму, мешок со снедью и разными мелочами. У самого Мелидена был конь получше, так называемой боярской породы с великокняжеского завода в Хорошем лесу на полдень от их двора в Ямской слободе. За коня Мелидену пришлось отдать почти всё заработанное до свадьбы с Людмилой, но он не жалел об этом. Хороший конь – половина удачи. Разумеется, Бурка был не самым лучшим выходцем с завода, но и не позорил бывшего великокняжеского гридня.

Сам князь Барух, младший из братьев великого князя Ларса, не соизволил даже показаться на прощание своему опальному полуподданному. Якобы не проснулся еще у себя в горнице. Может быть, стыдился, а скорее боялся лишний раз вызвать неудовольствие грозного старшего брата. Трусоват был Барух. Мелиден помнил, как он пресмыкался перед великим князем, как уверял в своей преданности, когда в начале прошлой осени по тайному приказу Ларса оковали среднего брата Вирга Большого. И вымолил прощение несуществующих вин, был отпущен через месяц. С тех пор трясётся, как заяц перед волком. А Вирга Большого, говорят, перевели недавно из дворцового подпола в монастырь в Переславле, где тоже держат в подвале в тяжких оковах.

Что ж, по сравнению с Виргом Большим и даже отцом, насильно постриженным в монахи далёкого полночного монастыря, его участь не так уж тяжела. Слово-то какое, «постриженным». Долгий волос – признак свободного человека, стригут рабов, а раб божий – всё равно раб.

С тем и поехали. Денёк был пасмурный, но необычно тёплый для ноября-полузимника. И не капало второй день подряд. Воистину, и большие несчастья скрашиваются малыми удачами. Плохо, что неизбежная расплата выпала на начало зимы, но зато зима, похоже, будет необычно поздней и тёплой. Уже легче, мороз – не свой брат. Слава богу, улица боярских усадеб Красновозничья находилась совсем близко от ворот и с закатной стороны Висагеты. Не надо было тащиться через город, да и привратные стражи пропустили хорошо им знакомого Мелидена без всякого любопытства.

Пришлось немного спуститься к полудню, чтобы пересечь реку Лорахву (обычно называемую попросту Медведицей) по убогому деревянному мосту. Великий князь хоть и отстроил почти весь Черноборский кремль с главными церквями при помощи грютских мастеров, а до мостов руки пока не дошли. Медвежские мосты, подгнившие и с расшатанными брёвнами, традиционно пугали иноземцев. Хорошо на таком провалиться летом, а если сейчас, в полузимник? Вода еще не замёрзла, но долго в ней не побарахтаешься.

Мысль о слабодушных иноземцах несколько приободрила Мелидена, ему-то не привыкать к родным осинам. Для медвежца и в ноябре в лесу спокойно и привычно, как у бога за пазухой, и гнилые мостки не пугают. Ступай осторожнее, только и всего. Жив-здоров и слава богу. А уж в его положении надо просто радоваться каждому дню, пока цел и на свободе, пусть относительной. После того злосчастливого поединка.

Среди пригородных огородов и сарайчиков летали мелкие птички, да и в небе от них было пестро. Особым спросом пользовалась облепиха, рябина интересовала куда меньше, а калиной пернатые вовсе брезговали. Мелиден заметил пару чёрно-белых пёстрых мухоловок с длинными хвостами, вопреки названию не брезговавших облепихой – им вроде бы было положено уже улететь на юг. Да, зима действительно обещает быть поздней и тёплой. Перед самым носом Бурки промелькнула пара рыжих соек с синими пятнышками на боках, на рябине сновала пара снегирей – красногрудый самец и невзрачная самочка. Эти улетать не собираются.

Наконец, Голутвинский тракт пошёл прямо на закат, и солнце пока стояло точно за спиной, как и должно быть. Путь предстоял долгий, семь переходов до Веразы (конному меньше,

конечно), потом еще пять до Липенска. Причём по пути Мелиден рассчитывал заехать в своё крохотное поместье в трёх неполных переходах и еще шесть вёрст точно на полночь. Но ненадолго, и так отъезд откладывался до предельного срока, предписанного великим князем. Срок наступал завтра, в день святого Мелидена Первоснежного. Дней весьма почитаемого на востоке святого Мелидена было несколько в году, поэтому им приходилось давать дополнительные прозвища. «Коли Милитонов день по снегу, то и Аусвес по снегу». Еще раз слава богу, что «Милитонов день» был по голу. С неделю назад снег выпал, но всё растаяло и дорога даже успела просохнуть. Осень, кстати, тоже была сухой, без обычной непролазной грязи.

Так без приключений добрались до большого села Колот, где переночевали в придорожной ямской корчме. Обедали по-походному из домашних запасов, чтобы не тратить денег зря, разводя костёр в ближайшем перелеске. Как обедали? Как всегда – под раскидистой елью, а лучше в яме от вывороченного дерева, чтобы дым не был виден издали (бережёного бог бережёт), при помощи кремня, кресала и трута, котелок на трёх кольях, в нём разваривается порезанная на кусочки солонина, через некоторое время туда же – мелко резанные ржаные сухари, грибы сушёные и травы для вкуса – сухая покрошённая петрушка и чеснока побольше. Знакомая до мельчайших подробностей дорога окончательно развеяла мрачное настроение Мелидена. Свобода в поле и лесу – не тесный душный город, где никуда не деться от начальников. Тут сам себе начальник, и попробуй кто-нибудь встать поперёк дороги.

В Дубраве (дворе Мелидена в Угрусском уделе) провели три дня, занятые упорным трудом – пилили старой камбенетской пилой поваленные и засохшие ели и берёзы, привозили и кололи дрова, в перерывах сгребали листья в выгребную яму, чтобы был перегной для огорода, под конец с превеликим усилием вывернули два больших пня. Не то, чтобы Мелиден так уж любил деревенский труд, но надо было хоть чем-то помочь слабосильной родне напоследок. И, конечно, старались отоспаться в тепле, отъестся домашним и накормить лошадей вдоволь перед чужими краями. Баню растопили вечером. На четвёртый день с утра Мелиден завершил дела, снеся голову бычку своим двуручным мечом, «как заправский кат», а уж разделяют пусть без них. И сходил на могилу деда и бабки, положил на неё лепёшку в поминовение духов предков – зголей. Глупо, конечно, но может хоть они помогут. Торопиться было ни к чему – до Голутвинска всего сорок вёрст, полдня верхом быстрым шагом.

А что за поместье Дубрава? Восемь дворов, пашни совсем немного – земля худородная, только овёс кое-как растёт. С огородом тоже из рук вон плохо – ни Людмиле, ни тётке Здравнице не удавалось вырастить ни репу, ни морковь, ни свёклу. Получались одни мелкие корешки, изъеденные всякой дрянью. Или земля плохая, или погода не та, или умения не хватало – а скорее, и одно, и другое, и третье. И не у них одних такая беда, на торжищах в Висагете овощей не сыскать, кроме огурцов. Южные клубни как-то удавалось выращивать умельцам великокняжеского двора, немногих бояр и митрополита, и то негусто и не каждый год, так что сами всё и съедали. Но огурцы родились хорошо, и каждую осень их солили в неимоверном количестве, с чесноком и петрушкой. Которые наконец-то научились выращивать каждый год в изобилии, и которые стали подлинной гордостью домохозяек, украшением стола и лекарством от всех болезней. Хотя главный доход был от скота – быков, коров и овец с грубой шерстью. За мясо, масло и шерсть покупали ржаную муку и соль. Лес тоже помогал – грибы, земляника, малина, орехи, дикие яблоки в изобилии. Птицы, шкурки беличьи, куны, если повезёт – лось или кабан. Ноябрь – самое время для охоты. А вот дубов в Дубраве всего ничего, и то мелкие по опушкам. Выжгли и выпалили дубраву в своё время, теперь пасли скот на её пустоши, которой не давали зарастать.

Важиня, косившийся поначалу на Мелидена с опаской и недоверчиво, оттаял потихоньку в ходе совместного напоминающего деревенское детство и потому умиротворяющего труда. Через несколько дней зашёл разговор о воровском подвиге оруженосца, поскольку тема была вполне огородная. Соблазнили Важиню тонкие и ровные доски, которыми Барухов домопра-

витель намеревался чинить прохудившиеся крыши сараев княжеского двора. Очень уж хорошо они гляделись бы на сарайчике пригородного огорода Важининых родителей. Поэтому, посто-рожив всю ночь Барухов двор и сменившись, Важиня взвалил на спину груды вытасенных за забор досок и поперся на рассвете прямо за городские ворота, к огороду. Мол, куда хочу, туда и иду. Тут его и зарёб опытный десятник привратной стражи – куда это ты собрался, добрый молодец, чьих будешь и своя ли ноша у тебя на плечах. А молодец мало того, что попался через полверсты, так и соврать не сумел пристойно. Молниеносное разбирательство тут же вернуло доски в угол Баруховой усадьбы, а его холопа в Барухово узилище.

Ты бы еще у себя на лбу написал крупными буквами – ВОР – поучал Мелиден недоумка. Если так уж понадобились эти доски, надо было ночью оттащить их в соседний переулок и привалить у неприметного чужого забора или в какой-нибудь яме, присыпать листвой или землёй, после чего вернуться. И подождать до вечера – не хватятся ли пропажи. А если не хватятся, пройтись на торг и договориться с каким-нибудь мужиком отвезти доски до огородов на своей телеге, пообещав несколько штук за услугу. Селяне возвращаются с торга налегке, так что договориться было бы нетрудно. Вот и выехал бы из города тихо и мирно, никто не стал бы докапываться у ворот, что за доски у мужика в телеге, в общей-то толкучке. В ответ Важиня только хмыкал и гыкал сконфуженно, признавая неправоту и проникаясь уважением к башковитому начальнику. Который не только предусмотрителен, но еще читать и писать умеет, что необычно для воинского сословия.

В Голутвинске остановились на неприметном постоялом дворе слева от тракта – основной город с церквями находится справа на холмах, а тут расположена пригородная деревня. И дешево, и малоллюдно, им лучше не привлекать к себе лишнего внимания. Мелидену нравился этот городок, названный по речке Голутве и долгое время бывший пограничным рубежом Висагетского княжества, ставшего «великим» не так уж давно – лет сто пятьдесят назад. Речка звалась «малая» на языке жившего тут некогда племени, точнее, союза 12 племён вусурока. Остатки этого племени еще можно найти в лесах вдоль Голутвы к югу от тракта, хотя только глубокие старики помнят немногие слова его наречия.

Два дня до Веразы прошли под мелким крапывающим дождиком. Деревеньки с удалением от столицы становились всё беднее, болот всё больше, ельники всё угрюмее, пустынная дорога всё грязнее. Пришло время мечтать о лёгком морозце, который схватил бы грязь. И монотонная езда снова стала навевать мрачные мысли на Мелидена. Как же так вышло? С чего всё началось, и по какой причине? Но каждое бедствие цеплялось за более старое, подобно тому, как шестерня цепляется за зубцы рейки в хитром натяжном механизме большого самострела, который Мелиден не так давно с любопытством рассматривал в Висагетском кремле. Получалось, что нынешнее крушение было предопределено чуть ли не с самого рождения Мелидена, если не с дедовских времён. «Трудно тебе будет в жизни такому», – укоряла когда-то властная и настырная бабка Надежда нелюдимого и неуступчивого отрока Миле. Еще бы не трудно жить среди таких, кто только и норовит заесть поедом, – вспоминал её теперь неблагодарный внук.

– Ну что же, отчего бы не вспомнить всю жизнь нашу скорбную, с самого начала, раз всё равно нечего делать, кроме как тащиться по грязной дороге к неизвестному, но наверняка неприглядному будущему, – думал Мелиден, покачиваясь в седле. – Кто знает, может ничего, кроме прошлого и не осталось больше.

Глава 2. О деде

Итак, родился Мелиден в 95-м году от сотворения мира (в смысле, в 4495-м), или в 1382-м по средиземскому еретическому счёту. Год легко запомнить, поскольку тогда же вступил на престол нынешний великий князь. Стало быть, тридцать лет уже правит – то-то седина в бороду, бесовщина в голову. На отца Мелиден совсем не похож, ни внешностью (разве что в лице что-то общее), еще менее характером. Зато, как говорят родственники, похож на деда Ларса, и чем дальше, тем больше. Хотя дед был ниже ростом, коренастее и светлее волосом (впрочем, к старости облысел под шлемом). Но сам Мелиден деда совсем не помнит, тот умер, когда ему было четыре года. А родился дед в 37-м году от сотворения мира, что тоже легко запомнить, поскольку в этом году липенский князь признал старшинство висагетского великого князя, деда нынешнего Ларса Третьего.

К Мелидену деду это имеет прямое отношение, поскольку его род происходит из волости Духов Лес на полночь и немного на восход от Липенска. Про прадеда же Банелуга (что, кажется, означает «убивающий мужей» на древнем заморском наречии) Мелиден вообще не может сказать ничего, кроме имени. Даже неясно, из крестьян он или из боярских детей – однодворцев. Как-то помалкивала родня, а самому недосуг было расспрашивать и неинтересно. А сейчас уже поздно. То есть род не очень древний, мягко говоря. Это великий князь Ларс Вагуниг запросто вспоминает полтора-два десятка прямых предков по мужской линии, и все князья, к месту и не к месту. На шестьсот с лишним лет назад, до пришельца из Заморья Гомеры. Впрочем, кто теперь разберёт, откуда пришёл этот первокнязь Гомера, и был ли вообще. Приходится верить великому князю и летописцам на его содержании.

Уж не за такой ли образ мыслей попал в опалу Мелиден? У добрых подданных не очень-то принято сомневаться в словах великих князей и учёных монахов, чьи труды одобрены самим митрополитом. Может быть, вполне может быть. Как любил говорить один из учителей Мелидена, усиливший когда-то грютский трактат по логике, «нет следствий без причин». Начальник стражи Ларса Вагунига трактатов не читал, да и вообще читал, только вода пальцем и шевеля губами, но своим умом развил этот тезис даже дальше, «не бывает наказания без вины». Оно и верно, если под виной понимать недостаточную страсть к вылизыванию начальственных задов.

Но не будем разбрасываться мыслями, вернёмся к пращурам Мелидена. Откуда же дворянская фамилия Варсин, если еще прадед Мелидена был непонятно кем из глухой липенской деревни? Во-первых, сама фамилия не очень родовитая, да еще распадается на несколько ветвей равно тёмного происхождения – одни якобы названы в честь святого Вара, другие вроде бы происходят от некоего степного князька-перебежчика. Но истинно, что одна из ветвей имеет владения на полночь и восход от Липенска – как раз там, где родился дед Ларс. Хотя сам Духов Лес в их владения не входил и не входит. А во-вторых, если прадед Банелуг был неизвестно кто, то дед Ларс – точно дворянин, и своими немалыми заслугами. Так что мог приобрести и фамилию вместе с прочим.

На смуте, последовавшей за присоединением Липенска к великому княжению, он и поднялся. Вспыхнули мятежи липенских бояр, недовольных жёсткой рукой висагетского великого князя, начались вторжения из пограничного средиземского герцогства Ремита, также имевшего виды на Липенск и даже захватывавшего его временами. Еще подростком Ларс из Духова Леса, рано оставшийся сиротой и живший из милости у тётки, с одним из липенских бояр перебрался в Висагету и стал гонцом, приняв участие во многих стычках. Возмужав, ходил в каких-то судовых ратях. Но особенно он поднялся во время смут, когда молодой Вагун II Карий (отец нынешнего великого князя) боролся со своим дядей Гауром Славгородским и двоюродными братьями Мелиденом Гауригом Кожемякой и Ларсом Голутвинским. В 69-м году

Вагун Карий даровал ему парадную кольчугу, перешедшую по наследству и с гордостью носимую Мелиденом, а в 71-м году обширное, хотя неплодородное поместье к северу от Висагеты, где прошла изрядная часть Мелиденова детства. В последние лет двадцать дед Ларс страдал от многих ран, был отпущен со службы и жил с почётом в упомянутом поместье, где и умер. Среди родни он был известен справедливостью и, хотя сам грамоты не знал, постарался дать сыну Икмару хорошее образование, насколько это было возможно в медвежском захолустье.

К Веразе спешили изо всех сил, поскольку относительно приятная погода с мелкой моросью сменилась настоящим дождём со снегом. Надетый на кольчугу тулуп из войлока под просмоленным холстом защищал от дождя только до определённого предела, не вполне помогал и старый тяжёлый плащ из вытертых волчьих шкур. Проклинал всё на свете и Важиня, одетый в долгополый тегиляй – суконный кафтан, плотно набитый льняными очёсами с защитными внутри мелкими металлическими пластинами. Достоинством этого универсального доспеха была способность ржаветь невидимо для глаз, но сушить его было дольше, не говоря уже о затруднительности чистки и стирки. Само собой разумеется, оба путешественника были сплошь заляпаны разлетающейся из-под копыт грязью.

Да, если в плохом бывает хорошее, то и в хорошем не меньше плохого. Тёплое предзимье – хорошо, но обычно в это время, восьмой день после Саманы, уже устанавливался твёрдый путь по первому морозу, купцы и паломники устремлялись в дорогу, чтобы успеть до снегопадов, охотники заполняли придорожные леса. Теперь благоприятный для походов период откладывался, между тем Мелиден продвигался слишком медленно, с учетом остановки на несколько дней в Дубраве. Как бы не попасть и в местную опалу помимо общей, за намеренную нерасторопность. Потому, наскоро объяснив городским стражникам причину спешки и показав подорожную, занялись чисткой и сушкой одежды в ямском дворе, благо в нём было почти пусто. И на завтра снова отправились в путь: дождь ли, снег ли, а ехать надо.

На удачу, после лившего всю ночь дождя погода опять наладилась – было прохладно и пасмурно, но лишь изредка падала снежная крупа или мелкая морось. На привалах Мелиден начал размахивать мечом, бросать нож и стрелять из самострела по отдельно стоящим деревьям, чтобы не потерять болты в густом лесу – где их теперь достанешь. Не податься ли в разбойники, если и дальше будет не складываться? – приходило в голову временами. Но, по здравому размышлению, эта возможность откладывалась на самый крайний случай. Ведь главное достоинство разбойника вовсе не в умении владеть мечом. Главное – уметь выживать в стылом лесу, и не неделю-другую – годами. И способность находить общий язык с верными товарищами. Поскольку если простудишься на промёрзшей земле либо провалившись под лёд, вся сила и сноровка испарятся как утренняя роса. И неверным товарищам даже не надо будет ночью вязать во время сна или бить сзади дубиной по затылку – и так всё будет их, и кошель, и кольчуга, и меч с самострелом.

И в своём умении выживать, и в умении находить общий язык Мелиден сомневался. То есть кое-какой опыт имелся, конечно, но недостаточный. Не на то он тратил время и силы, не те навыки развивал. Просто рыскать по лесу – одно, выкопать и обустроить в правильном месте землянку самому вырезанной деревянной лопатой – другое, гаркнуть на застигнутого врасплох мужика – одно, завоевать доверие и даже преданность отчаянных и лишившихся всех устоев изгоев – другое. Это искусства не посредственные, но высшей пробы. Тогда как Мелиден и в своей среде не очень-то ладил, привык жить без друзей и слишком часто смотрелся белой вороной. Или чёрным лебедем на пруду.

Глава 3. Об отце

Ладно, подумали о деде, подумаем и об отце. Отец Икмар, как уже сказано, на Мелидена совершенно не походил. На полголовы ниже, полный, лысоватый, он был лишён воинского духа и умения. Хотя охотиться любил и много времени проводил на охоте (опять же, в противоположность Мелидену), но больше ради хорошего общества и «чести», чем ради дичи и пребывания в лесу. Брал он живым умом, быстрой сообразительностью, мягкими манерами, приятной речью и необычайным умением располагать к себе людей. То есть именно тем, в чём его сын очевидно слаб. Он в совершенстве знал придворные порядки, правила обхождения, разбирался в изысканной еде, умел очаровывать женщин разговорами ни о чём. Для прямодушного, нелюдимого и безразличного к удобствам Мелидена каждая фраза будет верна только с приставкой «не».

Примечательно, что думает Мелиден об отце в прошедшем времени, хотя тот жив – на это есть причины. Сыном Икмар почти не занимался, всё время был где-то чем-то или кем-то занят. При этом, говоря по справедливости, Мелиден был ему очень многим обязан. Почти всем. Благодаря ему Мелиден с матерью никогда не нуждались, он оплачивал Мелиденовых учителей, он его устроил в самую ближнюю великокняжескую стражу. И хитроумный конный самострел был тоже его последним подарком. При всей отчуждённости от сына, он был к нему, без сомнения, расположен. «Наверное, он ценил во мне те качества, которых был сам лишён», – впервые догадался Мелиден, – «как я ценю и даже завидую тому, чего нет у меня».

Родился Икмар Варсин в 65-м году, женился на Гемодине, дочери рядовича из торгово-промыслового села (рядка) на полночь от Висагеты, занимавшегося строительными подрядами. Благодаря деньгам и знакомствам деда стал знатоком южных наречий, что принесло ему должность дьяка по посольским и торговым, а под их прикрытием – «розыскным» делам великокняжеского двора. Этим делам Мелиден обязан самым ярким периодом своего детства – четырёхлетним пребыванием в Грюте Полуденном. Из-за этого яркого периода, подобного затмевающему звёзды солнечному свету, Мелиден почти не помнит себя до восьми лет. Так, смутные воспоминания, что бегал где-то, дрался игрушечными мечами, играл в свайку, тосковал по постоянно отсутствующим родителям в загородных домах среди чужих или полужужих людей. Но в 4503 г. Икмар Варсин был послан в тогда независимый Грют Полуденный в составе большого посольства, где занял видное место. Его целью было наладить устойчивые отношения с вождём приморской Ургаторской орды кангуном Кансаватрой-даю («даю» значит «владеющий многими» на грютском языке) и, главное, с богатым заморским Грютом Великим.

Кочевники-сыроддцы постоянно донимали Медвежье набегами, захватывали добычу, уводили пленников; необходимость обустроить оборону от них была важнейшей причиной столь сильной великокняжеской власти, иначе вряд ли кто из лесных общин и старейшин согласился бы платить высокие подати. Справедливости ради, ордынский торг, на котором огромные стада скота продавались ниже стоимости их выращивания в Медвежье, был одной из причин варварского изобилия в захолустном лесном краю. Благодаря этому торгу даже захудалые смерды в Висагете имели лошадей, ели мясо каждый день, носили сапоги и овчинные полушубки. Взамен кочевники просили в первую очередь шорные и другие кожаные изделия, производство которых было поставлено в Висагете и других ближних городах на широкую ногу.

Бесчисленные кочевничьи «посольства», на которые постоянно брюзжали «честные мужи» из-за княжеского отдаривания поганым и вонючим дикарям, самим видом оскорбляющим домостроевское благочиние, являлись по сути охраной при многотысячных табунах лошадей. То есть усилия по доставке за многие сотни вёрст и охране товара ложились на продавца. Если глубоко задуматься, кочевничьи набеги и требования дани были неосознанной попыт-

кой вернуть часть того, что хорошо организованный город мирно изымал у простодушных (хотя самим себе казавшимся очень хитрыми) дикарей в ходе повседневного неравного обмена. Но глубоко задумываться висагетские обыватели не любили и не желали. То, что они покупали выносливых лошадок сыроядцев за пятую часть стоимости на великокняжеском заводе, было нормально и по обычаю. А вот налёты кочевничьих удалыцов и требование дани-откупа их кангунами – разбой и несправедливое вымогательство.

Девятая часть скота, продаваемого на ордынском торгу с полуденной заречной стороны Висагеты, шла великому князю. Точнее, сначала князьки поганых платили пошлину в десятую часть, а потом великокняжеские люди по своему выбору забирали каждую десятую голову из оставшегося. В этом установлении была некая справедливость – табунщики, понятное дело, старались сдать в пошлину самую худшую скотину, зато великокняжеские дьяки выбирали из оставшегося лучшее.

В последующем Мелидену приходилось встречаться с этими дикими язычниками с загорелыми до черноты, словно каменными лицами; у них и одежда была мазана дёгтем для защиты от дождя. Они тут же с необычной ловкостью объезжали приведённых с собой лошадей, брыкающихся и хрипящих, с налитыми кровью глазами, помогая себе устрашающими криками и нагайкой с зашитым в конце грузом. Мелиден не отличался ни робостью, ни деликатностью, но эти будто слившиеся с конями объездчики воспринимались столь чуждыми и опасными, что он постарался, чтобы его направляли для переговоров только с западными ганзейскими купцами. Со временем так и уладилось как бы естественным образом.

Отношения Медвежья и Степи развивались приливами и отливами, подобно вечному природному циклу. Иногда среди степных кангунов выделялся особо могучий вангун, объединявший поганые племена, которые и сами порой необычайно размножались по неведомым причинам. Тогда они шли бессчётной тьмой на Медвежье, сжигали даже главные города, заставляли погорельцев прятаться по дремучим лесам, погибая от мороза и голода, угоняли пленников тысячами и надолго вынуждали оставшихся к выплате дани-десятины. Однако сейчас был отлив. Сыроядческие племена изводили друг друга междоусобицами, искали покровительства у великого князя Ларса Вагунига, «белого вангуна и ногу неба на земле», как они льстиво писали в своих грамотах, и великий князь счастливо наглед год от году. Не без основания, поскольку кочевнические распри были в немалой степени делом его поднаторевших рук. Точнее, его общего руководства, так как исполнителями были отец Мелидена с товарищами. Глубоко презиравшие сыроядческих князьков и их поганые обычаи в частных разговорах, они научились искусно к ним принаравливаться и ловко стравливать между собой, подкупая, угрожая, льстя, советуя и разнося слухи.

За последние тридцать с лишним лет дань поганым в Висагете платили только один раз, и то как откуп от возможного нападения с тыла во время похода на Новый Город. А после успешного противостояния на пограничной реке Сотуте Ларс Вагуниг вовсе ни во что не ставил южных соседей. Кстати, это был первый поход, в котором принял участие восемнадцатилетний тогда Мелиден.

Собственно, никакой ясной границы между Медвежьем и Степью нет. Но Сотута была последним рубежом, за которым шли полностью обустроенные висагетские земли, тогда как на полдень леса перемежались с языками степи. За рекой имелись лишь отдельные укреплённые городки и дозоры, а поселенцев по большей части предоставили самим себе, тогда как по Сотуте шла постоянная и непрерывная оборонительная линия, называемая Полуденной Засекой по традиции, где стояла на страже наибольшая доля служилых дворян.

Поздней осенью через Сотуту пыталась прорваться так называемая Большая орда, недовольная многолетней неуплатой дани. Но, вовремя предупреждённые подкупленными или науськанными доброжелателями в племенах, висагетские воины были в полной готовности. Сказался главный недостаток сбора большого войска – его крайне трудно сохранить в тайне.

Сражение вылилось в многодневную перестрелку через неширокую реку. Конным лучникам поганых противостояли пешие стрельцы медвежцев за большими дощатыми щитами на колёсах, вооружённые мощными самострелами и даже лёгкими пушками. Дворянская конница медвежцев, в которую входил и оруженосец Мелиден, стояла сзади за пределами досягаемости стрел поганых и подкрепляла своих стрелков. Поэтому в настоящем бою ему не довелось поучаствовать. Некоторым повезло, поскольку отдельные рукопашные столкновения всё-таки были, но ему – нет.

Затем начались необычно ранние и сильные морозы, сковавшие землю коркой обледенелого снега, лошади поганых ослабели от бескормицы, тогда как у медвежцев имелись запасы овса. К ним с севера подошли подкрепления под началом Вирга Большого и Баруха Угрусского, пребывавших в очередной ссоре с великим князем, но примирившихся ради одоления общего врага. А до поганых, наоборот, дошла весть, что с тыла на них ударила приморская орда Кансаватры-даю. И грабит их лишённые мужчин стоянки, угоняя семьи для продажи в рабство в Грют Дальний. Как следствие, Большой орде пришлось уйти с Сотуты, так и не вступив в решающий бой. За неудачей последовало свержение её кангуна, лишившегося уважения богатырей, начались распри между вождями, суровая зима вызвала падёж скота, добавим к этому неутолённую кровную месть к приморским племенам, бывшим сородичам и союзникам.

Но это было потом, а в 4503—7 гг. висагетское посольство в Грюте Полуденном только налаживало отношения с молодым тогда Кансаватрой-даю. Добирались туда весной на ладьях по большой реке Танене. В её верховьях, в торгово-поселенческом городке Лакандон, уже второе столетие вязали дубовые плоты, на которых сплавляли вниз медвежские товары, в первую очередь пеньку и сделанные из неё верёвки и сети, но также мёд, воск, поташ, смолу и древесный уголь, разные деревянные поделки, выделанные кожи, холсты, а иногда зерно и топлёное масло. Плоты и сами по себе были важнейшим товаром – в старых полуденных городах не хватало хорошей древесины. Лакандон неоднократно разоряли поганые, но он немедленно возрождался, слишком выгодной была южная торговля.

Танена была пустыня, изредка подходившие для водопоя степняки не проявляли враждебности. Иногда из неё пили дикие туры и косули прямо на глазах у путешественников. Опаснее были низовья, где в тростниковых зарослях засели так называемые дунсины, то есть «беглые люди». Сами себя они предпочитали именовать «юйсины», «вольные люди», что медвежцы превратили в «ясеней». Впрочем, их «вольность» была особого рода: подразумевалась «свобода» от защиты рода и племени, то есть участь поставленного вне закона изгоя. Они состояли из сброда самого разного происхождения, от беглых рабов-шихо до проигравших в междоусобицах князей. Но в те времена степные племена еще не пошли вразнос, напротив, не так давно была устроена крупная облава на беглецов-разбойников. Поэтому их остатки не решились даже показаться хорошо вооружённой флотилии, не то что напасть.

В устье Танены располагалась крупная торговая фактория циноринцев, причём не только тех, кто прямо подчинялся государю Грюта Великого, были и представители отложившихся уделов. Однако медвежские ладьи, если не ставили целью сразу продать товар и тут же вернуться, осторожно следовали вдоль берега до Грюта Полуденного. Плавать через море в Цинорин они не решались, туда можно было отправиться только на настоящих иноземных кораблях.

Глава 4. Грют Полуденный

Грют Полуденный запомнился Мелидену как прекрасный белокаменный город на склоне тёмно-зелёной горы, прозванной Глапамисским Лесом в честь одноимённого престижного парка в Грюте Великом. Его заполненную кораблями гавань защищал искусно построенный мол. Запомнился сверкающий на солнце золочёный купол главной городской церкви; как позже объяснил отец, его медные листы покрывали раствором золотого порошка в жидком металле-ртути, один к восьми, потом нагревали, ртуть улетучивалась, тончайший золотой слой оставался. Сколько же должна стоять эта необычайная красота! А в заморском Цинорине, говорят, такие золочёные храмы на каждом шагу. У них этот способ назывался «нанева».

История города начиналась в глубокой древности, задолго не только до прихода святых Маэля и Искадины в Арбелину, но и до Возвещения Тарлагина. А ведь это была колония Грюта Великого – трудно представить, насколько древнее метрополия. На приморском выступе за окружавшей Грют Полуденный плодородной равниной Митиджа поднимались невысокие, но обрывистые Ургаторские горы, где обитали остатки местных аборигенов, за ними начиналась бескрайняя степь, поначалу довольно сухая, к полуночи всё более высокотравная, населённая дружелюбной Ургаторской ордой – бывшая страна Лебедея.

В Грюте Полуденном с большим почётом приняли медвежское посольство. Местный князь Ферименис был стар и слаб, сильно зависел от городского совета, в котором преобладали купцы и мореходы, в свою очередь зависевшие от расположения кангуна Ургаторской орды и её нового союзника, медвежского великого князя. Поэтому помощнику медвежского посланника предоставили половину роскошного дома на вершине Глапамисского Леса, построенного местным военачальником, но отобранного за какие-то прегрешения после бегства владельца. Вторая половина с большей частью сада, отделённая глухой стеной, принадлежала местному молодому чиновнику с семьёй, которые к ним никогда не приходили, Мелиден их мельком видел считанные разы.

Точнее, этот дом Икмар выбрал сам, остальные члены посольства устроились в собственном городе внизу. Добираться наверх Глапамисского Леса по огибавшей его справа от гавани крутой дороге было нелегко, однако место считалось престижным, а относительная уединённость способствовала решению негласных, но первостепенных «особых посольских задач». Из окон кабинета и большой гостиной на третьем этаже стоявшего уступом дома открывался великолепный вид на море и гавань Грюта Полуденного, тогда как Мелиден жил в малой комнате с тыльной стороны, откуда были видны только зады Глапамисского Леса.

С ними была и мать Гемодина, прочая родня осталась в Висагете. Вниз вела лестница из двух пролётов, посередине которой на втором этаже приютилась комнатка служанки-домоправительницы Преймолисы – весёлой загорелой женщины средних лет с крашеными хной ладонями и ступнями, работавшей по найму и заведовавшей также доставкой всего необходимого. Иногда ей помогали приходившие сородичи. На первом этаже семье принадлежали только тыльные чуланы. Там же находился крохотный садик из нескольких неплодоносящих пальм и кустов, а между ним и чуланами – утопленный вниз мощёный двор, напоминающий неглубокий бассейн. В нём и вправду собирали дождевую воду, поступавшую в расположенную под домом цистерну через очищающую песочную подушку. Наружу дом выходил каменным забором.

Мраморные полы, белёные извёсткой стены, большие окна, закрывавшиеся ставнями только на ночь, раздвижные ширмы из движущихся по пазам створок почти чёрного дерева вместо привычных дверей на петлях, дорогая мебель из той же твёрдой тёмной древесины, огромный каменный камин – всё это находилось в разительном контрасте с привычными топящимися по-чёрному тесными бревенчатыми избами с крохотными оконцами, затянутыми

бычьим пузырьём. Маленький Мелиден почти всё время проводил дома с матерью и Преймолисой, выбираясь наружу нечасто и исключительно в сопровождении взрослых.

Позже стала ясна причина – портовый Грют Полуденный был полон гнусных негодяев, изрядную часть которых составляли работорговцы и их обслуга. Остальные низкородные жители города тоже не жаловали северных неверных варваров. На взрослых, защищённых властями и способных за себя постоять, они не решались нападать, но в ребёнка легко могли плюнуть, походя ударить, бросить камнем. А в худшем и вполне возможном случае похитить и продать в рабство. В том числе с грязными целями, редкими в Медвежье, но обычными в этих издревле развращённых жарких краях.

Посольство жило дружно, его члены с жёнами регулярно устраивали совместные пирушки загородом, среди жестколистых колючих кустов вокруг мелких вечнозелёных дубов с крепчайшей древесиной, образующих невысокий лабиринт. Выезжали и на море. Мелидена тоже брали с собой; в глубине его памяти остались смутные воспоминания о пропадающей за горизонтом синей глади, мерно накатывающих волнах, шуме прибоя, бодрящем, странно солоноватом и остром запахе, дальше от берега переходящем в столь же необычный, чудесный аромат южного леса.

Много позже он начал догадываться, что нравы у посольских были много вольнее, чем принято в косном Медвежье, но тогда ему всё казалось естественным, веселым и дружеским. Сообща эти чиновники-купцы наняли учителя, на нечастых уроках обучавшего взятых ими с собой детей (наряду с зажиточными из постоянных медвежских поселенцев в Грюте Полуденном – были и такие) основам грамоты и счёта, закона божьего, а также кое-каким сведениям по истории и географии, которые правильнее назвать страноведением.

Его Мелиден совсем не помнит, зато помнит другого, нанятого отцом в середине посольского периода. Этот увечный бывший циркач из ближнего Цинорина обучал ребят простым, но эффективным приёмам борьбы – удушающим захватам за шею, пояс, подсечкам и броску через бедро. Дополнительно на домашних уроках он учил Мелидена навыкам метания ножа, началам фехтования, а также нескольким упражнениям по глубокому дыханию, развитию гибкости связок и чувства равновесия. За отцовские деньги, конечно, но видимо и потому, что ощущал в ученике некие способности, позволяющие не исчезнуть бесплодно умениям учителя.

И Мелиден, чья энергия не находила другого выхода, целые дни проводил в своём дворе, делая упражнения, тысячи раз бросая нож в установленную у стенки ростовую дощатую мишень с нарисованной на ней фигурой. Левой, правой рукой, стоя, с колена, в движении, с оборота. Вероятно, тогда он стал нелюдимым и застенчивым, не умеющим находить общий язык со сверстниками и сомневающимся в единственной верности православного медвежского быта. Но взамен начал приобретать навыки, которых у посконных сверстников не было. Когда что-то отнимается, обычно что-то и даётся.

Любопытно, что приобретённые к двенадцати годам телесные навыки не исчезли и в дальнейшем, включая умение бросать нож с цирковой ловкостью, силой и точностью. Напротив, развились. А вот начальные познания в циноринском языке после возвращения на родину испарились с удручающей быстротой. Вероятно оттого, что в них не оказалось нужды.

Мелиден не знал подробностей работы отца в Грюте Полуденном, о ней не принято было говорить. На поверхности отец занимался закупками по поручению великого князя помимо службы толмачом, требовавшейся буквально во всех видах деятельности, включая улаживание споров. Занимался с успехом, поскольку вес его при медвежском дворе ощутимо вырос. И вернулся в Висагету он очень вовремя – в начале лета следующего года Грют Полуденный захватило высадившееся с моря войско Грюта Великого с обычными грабежами и расправами, после чего освободившаяся временно колония вернулась в состав Цинорина.

Но связи с Медвежьем от этого не ухудшились, напротив, укрепились. Мелиден больше не бывал на юге, отец же в самом конце 4508 г. в составе нового большого посольства отплыл уже в Грют Великий, откуда в следующем году привёз в жёны Ларсу Третьему племянницу тамошнего государя вместе с титулом вангуна, золотым тронном и множеством строительных мастеров, литейщиков, лекарей и гадателей. Последние, несмотря на явные расхождения с православием, стали оказывать растущее влияние на впадающего с возрастом в суеверия великого князя.

Как ни странно, постепенное усмирение кочевников и налаживание связей с Грютом Великим не пошли на пользу отцу Мелидена. Наоборот, он со своими особыми навыками стал неудобен новым грютским советникам. Окончательно его карьера в Посольском приказе закончилась с захватом Анзулаты, последнего соперника Висагеты внутри Медвежья (хотя и бледной тени от бывшего претендента на великое княжение) и с началом строительства кирпичного Черноборского кремля. Он был отправлен в отставку, хотя и с щедрым пособием.

К тому времени Икмар уже не жил с матерью Мелидена и с ним самим. Построив красивый терем на полночном выгибе Медведицы, он тайно разместил в нём юную сожительницу. Для двадцатилетнего Мелидена, полностью погрузившегося в бойцовские искусства и готовившегося к вступлению в личную охрану великого князя, было подлинным потрясением узнать об этом расхождении и о появлении бастардной сестры, годящейся ему в дочери. Даже на несколько месяцев моложе, чем недавно появившийся племянник от законной сестры. Он-то думал, что живёт в образцовой благочестивой семье. Ни малейших оснований для развода у Икмара не было, и в качестве откупных брошенной жене и сыну он отдал только что построенный двор в недавно созданной Ямской слободе и приобретённое в 17-м году малое поместье Дубрава. Не исключено, тем не менее, что блудодеяние под влиянием заморской порчи внесло свой вклад в его служебное падение. Что позволено великому князю, то не позволено посольскому дьяку, к тому же худородного происхождения.

Несколько лет старые связи отца помогали сыну, пока новые не начали его топить. Помявшись пару лет бездеятельностью, Икмар пристал к Виргу Большому, разумному и доблестному среднему брату Ларса Третьего, с некоторых пор подозреваемому последним в узурпаторских настроениях, чему сильно способствовала новая грютская жена Ларса, подогревавшая самодержавные устремления великого князя. Новый терем Икмара находился на окраине одного из уделов Вирга, что создало естественную основу для их тесного знакомства. Развязка, как уже упоминалось выше, наступила в конце сентября-ревуна прошлого 24-го года, когда Вирг Большой был внезапно схвачен, пока гостил при великокняжеском дворе, его имени отписаны в пользу государя. Спустя недолгое время был схвачен и его советник Икмар и после недолгого дознания насильно пострижен в монахи, а затем с установлением санного пути отправлен в далёкий полночный монастырь. Никаких признаков заговора дознаватели не обнаружили, разве что недовольные разговоры по поводу двулично-напыщенной великой княгини и своры грютских гадателей-шарлатанов. Но не признавать же, что ошибка вышла. Самодержец не может так ошибаться. Терем новоявленной мачехе Мелидена оставили, но без владений, только с малым приусадебным участком. Естественно, Мелиден не желал даже слышать об этом постыдном отродье.

Сам Мелиден не пострадал напрямую от этих потрясений. С отцом он давно почти не знался, с Виргом Большим тем более, пребывал постоянно при великокняжеском дворе и имел определённую репутацию – не слишком благостную, но без связи с какими-либо крамолами. Однако яблочко от яблони недалеко падает, сын и наследник опального и ссыльного не может стоять за спиной великого князя с двуручным мечом на плече. Поэтому, оставаясь в личной «стремненной» страже Ларса, Мелиден был удалён из гридней во внешнюю охрану. По близости к государю гридни следовали сразу за рындами – церемониальными телохрани-

телями, в которые могут попасть только сыновья главных бояр и которые служат больше для почёта и красоты, чем для настоящей охраны.

Затем его стали всё чаще посылать гонцом в ближние города или направлять толмачом к средиземским купцам. Тяготясь сгущающимся недоверием и молчаливой холодностью начальства, осторожным отчуждением бывших товарищей, Мелиден охотно принимал такие поручения. Однако они означали понижение места или падение статуса, как говорят средиземцы – из ближних дворян в пусть избранные, но слуги. И вот из куколки вылупилась бабочка – окончательная опала. Можно было этого ожидать, и даже неминуемо. Но от долгого ожидания развязки не легче, когда удар, наконец, настигает. И окончательная ли это развязка – беда приходит не одна, с победушками.

Понятно, самая большая опасность – не опала из-за отца, а месть Ветисских после убийства представителя их рода на поединке. Но это другая история, хотя и неразрывно связанная с первой. Поскольку как можно отделить великокняжескую опалу от вражды самого могучего из боярских родов, «первоближнего и началосоветного», представители которого сидят не только в Боярской думе, но в Ближнем совете или воеводами в главных городах. Хотя, если посмотреть с этой стороны, великокняжеская ссылка может быть больше милостью, чем наказанием: в Висагете воткнуть в подворотне нож под лопатку проще, чем на дальнем рубеже. В то же время, если Ветисские не успокоятся, на что надеяться не стоит, на дальнем рубеже им будет легче скрыть концы в воду. Подстерегут и расстреляют из кустов руками наёмных упырей. Или положат мышьяку в суп через подкупленного повара. Как там мрут от мышьяка – рвота, жажда, руки-ноги отказывают, полдня помучился и помер. Так отравили в Новом Городе Мелидена Кожемяку, сородича и соперника великого князя. Грехи наши тяжкие...

Глава 5. Липенск

На закате третьего дня, измучившись и промёрзнув под холодным дождём со снегом, изгнанники добрались до Липенска. Встретили Мелидена с подручным неласково и велели ждать, пока наместник Гаур Воданиг не соизволит их принять. Наместник был богатый местный боярин и владел городком Истувераном на большой реке Тадзене, через который проезжали вчера. Хорошо, хоть позволили обогреться и почиститься в съезжей избе, а также накормили гнилой тюрей, какую в Висагете не едят и слуги. Это тоже заставило задуматься: пока цело снаряжение, в исправности одежда и есть домашние запасы, но надолго ли их хватит? Надежды на получение кормов из Дубравы смутные, а местные уж очень нелюбезны.

Город Липенск назван так не зря – на полдень находятся обширные липовые леса, благодаря которым множество пасек дают прекрасный мёд и воск. Однако наиболее значима тут издревле сложившаяся работа с деревом. Из липового лыка плетут лапти и мочалки, делают лукошки, режут ложки, посуду, гладкие и приятные глазу столы, скамьи и сундуки. Делают бочки и кадки, телеги, сани и лодки. Рубят лес на готовые дома, которые можно привезти и собрать на новом месте за считанные дни. Но еще больший доход дают смола и дёготь, получаемые сухой перегонкой берёзы и сосны, а также древесный уголь – берёзовый для кузнечных работ и еловый для выплавки железа и меди. Много домотканых льняных холстов, хотя не столько, сколько в северных Новом Городе и пограничном Веттаме.

Еще более известен Липенск как перекрёсток на конце холмистого водораздела, где сходятся три большие речные дороги: по Тадзене можно плыть на полдень, совсем близко расположенная Абайда, она же Березайка, вливается в пограничную Сивехру, ведущую в полночные норкские земли и впадающую где-то далеко в ледовитое Серое море, а расположенные чуть дальше на восход истоки Гиоры позволяют перебраться в великую реку Самбату, вдоль притоков которой лежат основные медвежские земли и которая оканчивается далеко-далеко на юго-востоке. Это положение Липенска у верховий трёх рек позволяет перегружать в нём товары, а также легко спускать собственные вниз по течению.

Всё бы хорошо, только с кормами в Липенске плохо. Рожь кое-как выращивают лишь в приречной долине Тадзены, всюду вокруг болота и глухоманные буреломные леса, через которые не пробраться даже выносливой степной лошади. На полянах и в поймах рек пасут коров, но этого мало. Без подвоза Липенску не выжить, однако привозной хлеб ненадёжен. Когда подвоз нарушается, цены подскакивают многократно и обыватели либо голодают, либо разбегаются. Неудивительно, что Липенск не стал великокняжеской столицей. Равно как Новый город и Веттам на еще более худородных землях, но им хотя бы помогают богатые рыбой озёра. Тогда как на полдень от Висагеты простираются хорошие пашни, и на закат они есть, и на восход. Поэтому там много поселян, следовательно, и кормящихся с них служилых людей. И войско висагетское служит великому князю верно, а не ищет, кому бы продаться подороже.

Расположен город Липенск очень удачно на холме над излучиной Тадзены, которая в этом месте круто поворачивает с восхода на полдень. С холма река просматривается далеко в обе стороны, что позволяет заблаговременно замечать любую лодку и плот. Кстати сказать, основной мост через Тадзену находится не в Липенске, а выше по течению в Истуверане, где река не такая глубокая. Хотя эти города – пограничные оплоты Медвежья, здешние городские стены из частокола и деревянных башен над набитыми землёй бревенчатыми срубамы поверх вала производят удручающее впечатление. Так строили в далёком прошлом, Висагету еще сто двадцать лет назад окружили стеной из белого известняка, пусть и развалившейся незадолго до строительства нынешней кирпичной.

Местные караульные, кое-как разобрав подорожную, с опаской и неприязнью косились на рукоять огромного двуручного меча за правым плечом Мелидена, с завистью на дорогой

иноземный самострел тонкой работы, взводимый съёмным рычагом – так называемой «козьей ногой». Здесь основным оружием были совня, то есть секач на длинном древке, или рога-тина – насаженный на древко широкий длинный нож с крестовидной гардой. К ним прилагались топор, шестопёр или кистень, мало у кого имелись сабля либо прямой меч, простые и только для одной руки. Мелиденов двуручник пять футов длиной и почти восемь фунтов весом выглядел очень дорогим оружием, опасным и неуклюжим одновременно. Слегка выгнутая вперёд гарда дополнялась двумя треугольными клыками на клинке, ограничивающими спереди его толстую незаточенную часть.

Мнение о неуклюжести исчезало сразу же, как только Мелиден описывал пару стремительных искрящихся кругов вокруг себя, переходящих в глубокий выпад, но становилось ясно, что другим такое оружие не по руке. И что меч – для ближней охраны, не для зарослей и быстрого конного боя. Кроме того, Мелиден располагал коротким двухфутовым мечом-«кошкодралом» для ближних схваток, топориком для повседневных нужд, большим узким ножом такой же камбенетской выделки, как и двуручник, и засапожным метательным ножом на крайний случай. Ни у кого не было и лёгкого конного самострела – все здешние всадники пользовались луками, кто мощным составным, а кто и простым деревянным из ясеня, вяза или берёзы. Конечно, в городе встречались ввозимые средиземскими купцами самострелы с ножным или ручным взводом, но исключительно большие и грубые для пехотинцев.

Боярин-наместник Гаур Воданиг, как выяснилось далеко не сразу, пребывал в своих имениях в Истуверане, взимал подати с крестьян и заодно охотился в окрестных лесах. По этим же причинам отсутствовало большинство дружинников – время было самое отчётно-сдаточное вплоть до Юлейса, зимнего солнцестояния. По дороге Мелиден с Важиной вполне могли застать Гаура Воданига в родной усадьбе, но проскочили Истуверан на рысях, спеша добраться до места назначения. Пока же пришлось иметь дело со скупым и подозрительным тиуном Мокадином, оставленным в Липенске за старшего.

Итак, последние дни полузимника Мелиден с Важиной провели бездеятельно в съезжей избе. Она представляла собой обширный бревенчатый сруб с маленькими оконцами под крышей, защищёнными бычьим пузырём и ставнями, и большой белёной печью в дальнем от входа торце. Глиняная печь была снабжена деревянным коробом-дымоходом, что являлось большой редкостью в Липенске, где почти все избы топились по-чёрному. Как, впрочем, и в других медвежских городах и сёлах. Полагали даже, что слой сажи в ноздь толщиной на потолке и в верхней половине стен пользителен для здоровья, поскольку сокращает поголовье клопов – хотя бы не падают за шиворот. Обычно в съезжей избе воевода вёл учёт прибывающих на смотр служилых людей, там же, по случаю, устраивались пиры. Поэтому в середине стоял большой грубый стол из щелястых досок на массивных чурбаках, а по краям – лавки. Сдвинутые вместе, они образовывали жёсткие ложа, на которых укладывали свои кошмы и плащи постояльцы. Поскольку в это время ни смотров, ни пиров не ожидалось, съезжая изба превратилась во временный постоялый двор.

Пока Мелидена это устраивало. Сначала надо оглядеться на новом месте, и тут подходило любое тёплое и не слишком людное пристанище. Тем более что пошёл мокрый снег и погода стала совсем собачьей. В такую пору служба лучше всего идёт под крепкий сон. Лишь бы коней кормили должным образом – но с этим был порядок, чем бы он ни был вызван.

Дальняя дверь съезжей избы, у печи, вела через небольшой тёмный коридор на кухню, где заправляла толстая и румяная стряпуха Горва. Боком кухня выходила в широкий двор, высланный деревянными плашками, а в её дальнем конце лестница вела на второй этаж хором, в которых проживал управитель Мокадин.

Стряпуха Горва, путавшаяся со всей конюшней и имевшая нищую родню в городе, споро и обильно кормила управителю дворню вместе с сородичами, но пришельцы ей не глянулись и очевидно стесняли. Ругаться на бледного и угрюмого, обвешанного оружием верзилу

Мелидена она не решалась, но быстро начала шпынять раззявистого Важию. «Не то беда, когда во ржи лебеда, а вот беды, что ни ржи, ни лебеды» – утешался тот народными поговорками. Хотя малый пост еще не начался, на обед им доставались только суп из гниловатой капусты со старыми ржаными сухарями и крохотными обрезками мяса, и варёная репа. Тогда как дворня жрала рублёную и отбитую говядину так, что за ушами трещало. Еда при такой жизни очень важна, потому надолго застревает в памяти.

Когда тающий снегопад затих, отогревшийся и отоспавшийся Мелиден впервые вышел в закуток за съезжей избой и занялся маханием мечами большим и малым, метанием ножа в накарябанную на стене мишень, что перемежалось ударами ног в бревенчатый косяк, от чего дом ощутимо вздрагивал.

За его странными текучими позами на полусогнутых ногах, резкими поворотами и почти неуловимыми для глаза взмахами наблюдал десяток управительских дворовых, разинув рты и с почтительного расстояния, затем к ним присоединилась семилетняя дочка управителя Тириза с чернявой смазливой служанкой. Под конец появился сам управитель Мокадин, до того принимавший лохматобородых и кирпичнолицых деревенских мужиков по каким-то податным делам.

– Ты что буянишь, – хмуро спросил управитель, среднего роста, сутуловатый, с широкой впалой грудью, совершенно седыми головой и коротко стриженной бородкой.

– Умение стараюсь не растерять, – еще более мрачно буркнул Мелиден. – Думаешь, будете гнилой капустой кормить, – добавил он с кривой ухмылкой, – спаду с лица и превращусь в худосочного холопа? Как бы ни так. Найдётся тот, кто сумеет оценить мастерство.

– Только появился, уже нрав показываешь – неприязненно продолжил управитель. – Изба не твоя, нечего её ломать. И не место тут махать своей железкой, людей пугать.

– Невиноватому нет причин пугаться, – отвечивал Мелиден. – А для полезных занятий везде место, для безделья не должно быть места. Что до избы, если развалится, значит, плохо строили.

– Я скажу сотскому Гиттину, что ты тут буйствуешь, пусть он с тобой разбирается, пока воевода с Палачом тобой не займутся.

– Скажи, скажи. Я сюда приехал службу нести при трёх конях и полном оружии, а не репу грызть без соли. Если моя служба без надобности, так и отпиши великому князю, – уже не скрываясь, глумился Мелиден.

На том и разошлись. Вечером Мелидену достались изрядный кусок варёного мяса в горшке и крынка молока. Дворня продолжала держаться на расстоянии от чужаков, но уже без неприязни. Умелец в любом деле вызывает уважение, а в воинском – вдвойне. Поскольку может быть полезен и при этом тронуть себя не даст.

Глава 6. Гиттин

На следующий день пришёл сотский Гиттин, коротенький и толстый пожилой мужичок в тонкой кольчуге и с мечом у пояса, а с ним четыре бородатых воина в мохнатых шапках поверх шлемов, в длиннополых тегилеях, с совнями на плечах и топорами за поясом.

– Здравствуй, милый человек, – начал сотский, – что тебе не сидится спокойно, буянишь, говорят, всю съезжую избу чуть не разнёс...

– Кто это говорит, управитель что ли? Кормит одной гнилой капустой, видать в монахи хочет записать, а когда я вчера решил размяться, помахать мечом во дворе, это ему покоя не даёт, чернильной душонке. Завидно, наверное, что сам так не может. Но я великого князя воин, не чернец, мне положено трудиться мечом, как дровосеку топором, чтобы не потерять умение. Поэтому зря он злобится, не по правде.

– Сказывают, ты своим длинным дрыном как пером махаешь. Не покажешь старику?

– Отчего же не показать...

– Да, такого у нас еще не видали, как на ярмарке у грютских скоморохов, но куда страшовиднее. Меч средиземский, дорогой. У нас про такие слышали, конечно, но даже за Речкой они не в почёте, разве что далеко в Камбенете. И сколько за него отдал, или по наследству получил? И у кого так научился, у немцев жил, или как?

– В Средиземье не был никогда. Но учился шесть лет у мастера Нимворда из Камбенета. Он прибежал в Висагету лет пятнадцать назад или около того. И меч был его, он завещал его мне как лучшему ученику. Перед смертью, когда его отравили какие-то лиходеи.

– А к нам за какие провинности, если всё-таки по правде?

– По правде, убил на судебном поле боярского сына Экарта Нахвейга, из бояр Ветисских. Их лучшего бойца. Слышали про боярина Нахвея Вагунига, постельничего великого князя? То был его средний сын. Поэтому великий князь отправил меня на липенскую границу, от кровной мести. Поскольку знаю средиземский язык и грамоту тоже.

– Ну хорошо, куда тебя пристроить, воевода распорядится – его не будет дней десять, если не больше. Пока поживи в съезжей избе, всё равно пустует. С тиуном зря не собачься, он человек не плохой и не надменный, просто привыкнуть надо. Потом найдём постоянное место. Насчёт кормов распоряджусь, чтобы не жались на такого молодца-удальца. А чтобы не скучать и не есть харчи зря, отправляйтесь вдвоём с вечера сторожить Водовзводную стрельницу. Я пришлю провожатого, покажет, где и как. Не вполне подходящая служба для стременного дворянина при конях, но до воеводы не могу решать. А пока пойдём, поедим.

– Эй, кума, ты еще жива, – закричал сотский, входя в кухню. – Готовь нам закуску; хорошо бы выпить пива.

Так или примерно так поговорив, уселись всемером в съезжей избе. На этот раз снедь была обильная и даже с изыском – уважавшая сотского Горва расстаралась. Запомнились котлеты-битки из рублёной говядины и размоченного ржаного крошева, пиво в изобилии и даже медовое вино, сваренное на хмелю. Изрядно досталось и Мелидену – сотский подливал ему первому, явно надеясь развязать язык. Мелиден не возражал. К хмельному он был не слишком привычен, но к тридцати годам успел убедиться, что вино не лишает его до конца осознания своих речей и поступков. По крайней мере, он всегда помнил, что говорил и делал, и даже в сильном подпитии в глубине продолжал гореть маячок, заставляющий не переступить последнюю черту.

Когда-то, в ранней юности, у Мелидена вызывала недовольство и разочарование эта неспособность забыться до конца – какой тогда смысл в пьянстве, деньги на ветер. Но вскоре он начал её ценить. Возможно, проистекала эта особенность не только и не столько из телесной крепости, сколько попросту от непривычки – перебрав, Мелиден начинал изрыгать выпитое

либо заваливался спать. Неважно, главное, Мелиден знал за собой такое, и потому не отказывался от редкой выпивки, когда предлагают на дармовщину.

Сначала говорили о местных делах, мелких и малоинтересных для Мелидена. Потом разговор перешёл на воеводу с присными, тут Мелиден насторожился – любая мелочь о будущем начальстве может иметь значение. Воевода, по словам рассказчиков, был грозным стариком, самовластным и упрямым, дотошно вникавшим во все дела, хорошо знающим свои воеводские обязанности и любящим наводить страх на подчинённых. Помимо любви к квасу и бане. «Обычай у него добр – когда спит, без палки проходи смело», – пошутил один из стражников. В молодости он был весьма склонен к блудодействию, даже через преступное насилие над жёнами служивых, но давно охладел к этому делу – здоровье стало не то. В то же время к будущности Гаура Воданига сотский и его люди относились с сомнением. Он был местный, из истуверанских то ли бояр, то ли князьков. Ждали, что великий князь раньше или позже заменит его на своего, висагетского. И скорее раньше, чем позже – как уже произошло в Новом Городе. Поэтому висагетские дела интересовали сотского весьма живо и с той точки зрения, кто сейчас любезен Ларсу Вагунигу и может пойти на липенское воеводство.

Увы, Мелиден не мог сказать ничего определённого на этот счёт. Что государь Ларс захочет назначить липенским воеводой своего, из ближних бояр, кого хорошо знает – да, весьма вероятно. Примеры есть, тот же своевольный, но теперь принижённый Новый Город. Ясно также, что это будет не один из младших братьев – Вирг Большой уже год в оковах и его участь становится только тяжелее, Барух затаился, как мышь под метлой. Но кто из ближних бояр – предсказать невозможно. Сильнее всего сейчас Ветисские, к сожалению. Вторые по силе Бельские с полуденной границы, но они не столько из Висагеты, сколько с полуденно-восходной Виртрагины, близко связанные родством с её подручным князем. Поэтому их сажают на околотепные места и вряд ли пошлют в лесной Липенск.

Наконец, разговор дошёл до его собственных дел. Мелиден улыбнулся про себя хитрости сотского, оттягивавшего эту часть посиделок до момента, когда Мелиден достаточно наберётся, по мнению начальника.

– Так расскажи, милый человек, как тебя угораздило зарубить сына самого Нахвея Вагунига из Ветисских. Неужто он лично на судейское ратовище вышел вместо того, чтобы выставить заместителя. И что был за спор такой важный.

Между прочим, на липенском диалекте Ветиса звучала скорее как Витиза и местные писари, дьяки и монахи порой писали, как слышится, оттого в той же грамоте боярина в одном месте могли звать Ветисским, а в другом Витизким. В столице за такой огрех били бы палками и пинками согнали с прикормленного места, а на окраине это было в порядке вещей, никто и внимания не обращал.

– Как раз спор был не слишком важный, даже не упомяну подробностей, да и не особо вникал, – отвечал Мелиден, жуя пирог с рыбой и запивая домашним пивом на травах. – Где-то у себя, в витисских краях, поспорили те бояре с какой-то вдовой о куске земли, половине малого надела на ляде – так у нас зовут лес, вырубленный и выжженный под пашню.

– По-вашему ляд, а у нас пожнями зовут пашню под выжженным сябрами лесом, забодай тебя бык, – вставил один из дружинников.

– В общем, вдова явилась к Ларсу Вагунигу просить о правде, привела с собой пару свидетелей, – недовольный помехой, продолжил Мелиден. – Ветисские шуганули свидетелей так, что тех и след простыл. Вышло, что слово вдовы против слова Нахвея Вагунига. Стало быть, вдове надо было или возвращаться ни с чем, либо вызывать Ветисских на Божий суд. Как слабая женщина без мужа, она имела право выставить заместителя. Вот ей на меня и указали – я к тому времени провёл семь поединков, все выиграл, убил шестерых противников. Денег она предложила совсем немного, рубль и двадцать три копейки. Рубль я взял, копейки ей оставил на бедность. Но согласился – не ради денег, а из-за собственных счётов с Ветисскими. Они

и моих родичей сильно ущемили, привыкли всё грести под себя. Долго рассказывать, почему и как, да и не нужно. Они многим встали поперёк горла. Я вполне понимал, что плюю против ветра и могу плохо кончить, даже если одержу победу – Ветисские могучий род и сейчас на самом верху. Да и великий князь явственно благоволил им, не мне. Но, верно, поэтому они и согласились – слишком были уверены в своём бойце, хотели покрасоваться лишней раз и показать свою силу.

– Тот боярский сын Экарт провёл куда больше боёв, хоть был моложе на два или три года. Очень хорошо владел окованной железом рогатиной с длинным ножом, вертел так, что глаз едва успевал следить, и скакал, что твой плясун-скоморох. Калантарь имел отличный из пластин на кольчуге, не чета моему – хотя тоже лёгкий, и он больше на живость полагался. Разбитной был парень, скалозубый, с кудрявой бородкой, какую девки любят, он и попортил их немеряно. Куда уж мне, серому и сирому, с ним тягаться. Со своим чужестранным двуручником, который короче рогатины. Короче, думали, что будет показательная потеха. А я думал, что будет, то будет, а будет то, что бог даст.

– Божья воля без людей не творится, – заметил сотский.

– Как бог захочет, так и свершится, а без его воли единый волос не упадёт, – крестясь восьмерично, поддержал его один из стражников.

– Этот Экарт, кстати, не был наследником Нахвея Вагунига, имевшего много сыновей. Он был третий или четвёртый, не помню точно. Но такой боец-поединщик, причем боярского рода, был у них один. Потому весьма его ценили и тем больше на меня затем озлобились.

– Как прошёл бой? Не очень красиво, чего уж там. Пусть и по правилам. По нашим правилам можно носить любой доспех и пользоваться чем угодно, только метать ничего нельзя. У меня большинство поединков выходят слишком быстрые и неприметные. Может, поэтому меня и разлюбил великий князь. Он большой охотник до таких зрелищ, потому терпит их и поощряет, хотя дурное это дело и церковь против. Какое же правосудие, если прав оказывается тот, кто искуснее с мечом или рогатиной, и ладно бы сам, а то выставляют младших родственников или вовсе наёмников. Хоть мне самому это выгодно. Или было выгодно, до поры до времени. Но таков обычай.

– В общем, вышли мы. Было это месяца три назад, на Успение святой нашей Вальжины, когда огурцы солят. Собралось изрядно народу поглазеть, как меня на лоскуты резать будут, а потом заколют, как кабана или медведя. Забыли, что несужённый кус изо рта валится, чтоб им в поле лебеды, а в дом три беды. Сам великий князь, бояре и стольники на высоких лавках лесенкой, по чинам, с другой стороны боярские бабы и девки в ряд, сидят, скромниц изображают, а глазищи исподтишка так и зыркают бесстыжие. День был нежаркий, хороший. У меня был двуручник, короткий кошкодрал-полумеч и камбенетский же нож, у него – рогатина и лёгкая сабля у пояса. Начали мы кружить вокруг друг друга, он тыкать и рубить своей рогатиной, я отбивать и отскакивать. И вот отбил я один выпад, удерживая рогатину внизу – тут клык помог на клинке, задержал, – сразу сделал глубокий шаг влево, приотпустил меч, держа только правой рукой, а левой выхватил нож и ударил его со всей силы в правый бок. Удар пришелся между пластин, пробил тонкую кольчугу и вошёл в печень, наверное. Он замер и не успел еще упасть, как я, бросив воткнутый нож и вновь перехватив меч обеими руками, разрубил ему плечо. Не будь на нём панциря, может быть, разрубил бы напополам. На том бой закончился.

– Вдова своё земельное дело выиграла, а я попал в опалу. Не сразу, постепенно удалили от дворца, стали посылать гонцом или толмачить со средиземцами. А в Саману писцовая изба выпустила бумагу отправляться на средиземскую границу. Хорошо хоть, что не на Полночный Камень.

– Ветисские многим стали поперёк дороги, в каждой бочке затычка, – вставил своё слово сотский. – Хоть ты и сильных людей задел, но особо не кручинься, поскольку многих тем же порадовал, надо думать. Стало быть, и средиземской речью владеешь?

– Не только владею, и читать, и писать могу и даже вести счёт на абаке. Это конюшенный Магерша, то есть Магерун Кальмериг Бельский, мне пособил со средиземской границей вместо полуденной погани или Камня. Именно потому, что знаю средиземский язык и род наш отсюда, из Духова Леса. Слышали про такое место?

– Не только слышали, но и бывали не раз, сто вёрст на полночь и восход. Самое нечистое место после вусурок, где волколаки и кикиморы так и шастают по болотам. Что ни скажи, леший вторьём морочит. Однако не похож ты на тамошнего. Тамошние мужи чумазые и диким волосом заросли.

– Мой дед оттуда вышел еще при Вагуне Первом Мелидениге. А сам я не был там ни разу. Много где был, даже на Камне Полночном побывал три года назад, а вот в Духовом Лесу не был ни разу, хоть и зовусь Варсином.

– Так ты родственник Варсинов из Поречья? – перебил сотский. – А что же сразу не сказал?

– Да не знаю я там никого и не был никогда. Если мой дед и был чьим-то родственником шестьдесят лет назад, теперь это мхом поросло и вряд ли кто вспомнит. Но если уж на границу, то лучше сюда, чем невесть куда.

– А что за Полночный Камень, где такое и что там забыл. Мы и не слышали о таких местах.

– Горы далеко на востоке или, скорее, каменные бугры. На восход и немного на полночь – там холодно и рожь не растёт. Перед этими горами есть рубленный городок, где разбойники-мочеганы живут среди лесной погани. Нас послали подвести их под руку великого князя, чтобы оттуда собирать выход, то есть дань пушными шкурами с диких племён. А немного спустя, год назад, на Полночном Камне посланные рудознатцы открыли большую серебряную жилу. Великий князь сильно надеется на неё, чтобы расплатиться с долгами грютам. Но, слава богу, это теперь не моё дело, я теперь с другого конца. Гиблые там места, холодные и голодные. Лес реже нашего, не такой бурелом, но тянется и тянется – неделю, две можно идти и всё лесом. Людей никого, и крупных зверей мало – легко околеть с голодухи.

– Так небось по рекам плавали.

– Конечно, как иначе, мы до Мочеганова городка добрались не слишком трудно, хоть и далеко. Но оттуда к Полночному Камню надо подниматься против течения, а оно быстрое и сильное – реки текут с гор вниз. Это оттуда легко спускаться, а туда выгребать или тащить по-бурлацки баркасы – тяжкий труд. Впрочем, и оттуда толи спустишься, толи разобьешься о камни, когда реку совсем не знаешь. Наши реки много спокойнее...

Беседа затянулась надолго, постепенно обрастая новыми слушателями: присоединялась осмелевшая дворня со своими глупыми вопросами новому и бывалому человеку. Только вечером Мелиден с Важиной забылись тяжким сном в углах съезжей избы ближе к печке, а первую стражу было решено отложить назавтра.

Глава 7. Служба и расхождения в вере

Настала Марона зимняя, когда зима встаёт на ноги – месяц студень. Действительно, выпал первый, пока слабенький снег. Выпив квасу и пожевав вчерашний пирог, Мелиден и Важиня снарядились и отправились к Водовзводной башне, что над рекой Тадзеной над самым поворотом. Это в самом дальнем от восточных Висагетских ворот конце, через весь город. Город не маленький, с три версты, однако мимо стен не промахнёшься. Под башней облепиху обклёвывали мелкие птички, в которых Мелиден по пёстрой чёрно-белой голове и желтоватому брюшку распознал синиц-масковок. Выше в небе стаями летали непонятные другие, серые и крупнее. Полезная ягода облепиха. А ведь еще при дедах её не было даже в Висагете, не так давно кто-то завёз с востока, прижилась и размножилась повсеместно. Здесь в Липенске капуста и репа роятся хорошо, в видных со стен огородах за тощими изгородами, но свёкла и морковь не роятся даже у воеводы. И чеснок местные не выращивают, только репчатый лук, который Мелидену не по душе.

Потянулась однообразная служба – четыре стражи на Водовзводной башне или на Привратной, той, которая смотрит на полдень, на мост через Тадзену (главные ворота восточные, Висагетские) – затем четыре стражи отдыха в съезжей избе. Мелиден предпочитал одиночество на Водовзводной – Важиню можно не считать – и ему охотно уступали очередь. На Привратной былолюдно и больше возможностей пожить, но Мелидена раздражали местные кметы. Почти все имели семьи в городе или пригородных сёлах, либо жили при ком-то, и бесконечно перетирали свои мелкие хозяйственные дразги или склочную родню. Либо искали случай содрать мелкую взятку с проезжих мужиков или купцов, вершиной чего была дармовая пьянка в грязной сторожевой избе, прислонившейся к башне. Мелиден брезговал и одним, и другим, и третьим. Погони за мелкими воришками и бесконечные столь же мелочные ссоры его не увлекали. Религиозных споров при нём избегали, иное не приземлённое было стражникам чуждо.

Тем временем ударили первые морозы, установился санный путь, начался малый пост. Мелиден не желал его соблюдать: пусть монахи постятся, им положено молиться за всех. А служилый дворянин должен быть в силе в любое время года независимо от одобрения или неодобрения попов. Это от чрезмерного винопития вред, от мясоедения вреда не бывает. К тому времени он обвыкся и приобрёл некоторое уважение управителевой дворни. Начали даже советовать изредка, как с непьющим, грамотным, повидавшим другие места и небоязливым. Стоило растаять первому льду, и языки развязались.

Обнаружилось, что в городе есть поклонники строгого «новгородского» толка в противовес более умеренному «митрополичью». Удивительно, сколь важными оказались эти ничемные в быту вопросы для внешне грубых и простоватых обывателей. «Общеверцы» свободнее относились к соблюдению постов, к знакам почтительности к старшим, меньше следили за речью, меньше кланялись, реже цитировали писание, менее строги были в одежде, которая у «новгородцев» (они сами себя называли «истинниками») была исключительно «смирных» тёмных цветов. В то же время среди обычных православных набирали силу поборники монашеской «чистоты», стремящиеся превозмочь еретиков в догматизме и аскетизме, а среди «новгородцев» множились толки, отклоняющиеся в самые разные стороны. Разобраться в местных хитросплетениях за считанные дни было сложно, и не очень хотелось.

Управитель и часть дворни были выходцами из «истинников», с которыми поддерживали связи, но сами от строгого толка отошли, за что сурово укорялись родней с полночного «новгородского конца». Управитель даже прожил в юности десять лет в Средиземье, в самой Гетальке, будучи послан туда на обучение прошлым воеводой – сыном последнего липенского князя. Оттуда он привёз жену, которая умерла несколько лет назад в тоске и печали, так как

«истинническая» родня категорически отказалась её принять и внешне помирилась с управителем только после её смерти. С воеводой у управителя оказались тоже сложные отношения.

Мелиден не любил попов, не хотел вникать в сомнительную заумь древних писаний, всех этих «сынов света», полупонятных даже по причине архаического языка, считал их переливанием из пустого в порожнее, а начётчиков – косными фанатиками либо лицемерами. И не особенно скрывал своё отношение. В Висагете ему доводилось учиться искусству счёта и средиземской грамоте у приверженцев «новгородского толка», укоренившегося лет двадцать назад. Но висагетские сторонники не принадлежали к ядру секты, не вдавались в тарлаганские догмы, были скорее любителями редкой книжной премудрости и звездочётства. Почерпнутые у древних философов рассуждения лишали их веры в бессмертие души и Страшный Суд, что они обиняками и как бы между прочим давали понять своему старательному ученику. Они были осторожны и не требовали слепого принятия своих взглядов; тем легче соглашался с их доводами боевитый от природы Мелиден, не терпевший грубого навязывания чужой воли.

Бесстрашные насмешки над истовыми «истинниками», равно как над набивающими шишки на лбу монахами-правоверами принесли Мелидену скрытые симпатии некоторых блудных выходцев из строгого толка. Сами они тушевались перед начётчиками, с детства привыкнув беспрекословно принимать их духовный авторитет и власть, что вбивалось учительницами-«черницами» не только постоянными тумаками, но и ременной плетью, однако тяготились этой властью. Управитель тоже заметно смягчился, особенно когда обнаружил неожиданную грамотность Мелидена даже в средиземском наречии.

Воистину, стоит проявить своё ясное и обоснованное отношение в каком-либо важном вопросе, и наряду с противниками всегда появляются сторонники. Прозябают те, кто не холоден и не горяч.

Наконец, появился долгожданный воевода, чью свиту заблаговременно заметили от восточных ворот. Он почти сразу отправился к управителю, где его встречали со снятыми шапками. Был канун праздника Введения – «Введение пришло, зиму принесло». Судя по обилию подобных календарных примет, зима ожидалась народом долго и упорно. Гаур Воданиг был толстый седой старик в длиннополом кафтане и котиковой шапке – почему-то морской мех, покупаемый у норков, выше ценился в Липенске, чем родные белки, куницы и даже бобры, водящиеся в здешних лесных речках в изобилии. Его сопровождали секретарь-«печатник», чахоточный и бледный молодой монах, и начальник охраны Икут, имевший странную кличку «Палач» – высокий красивый мужчина с румяным круглым лицом, большими тёмными глазами и густой шапкой русых кудрей. Он брил щеки и носил длинные усы в противоположность почти всем окружающим, отпуская бороды, зачастую весьма неопрятные.

Мелиден, пока жил в Висагете, тоже брил бороду, оставляя только короткие усы. Но по пути в Липенск выросла щетина, превратившаяся в короткую бородку по местному обычаю. У него не было ни малейшего желания попадаться на глаза начальству раньше времени, и он постарался задержаться на Водовзводной башне, показывая служебное рвение. Нравилась ему башня, откуда с косогора открывался вид на десятки вёрст вниз по течению Тадзены, на живописные поля, луга, леса, ближние капустные огороды с сарайчиками и дальние деревни. Относительная уединённость позволяла махать мечами сколько угодно, не вызывая чрезмерного любопытства, и даже стрелять из самострела, пока Важиня стоял вверху на стрёме. С невысокого простенка на неприметной северной стороне можно было спуститься наружу по пеньковой лестнице, ниже к валу прислонялась длинная еловая слега с вставленными в пазы поперечинами, прикрученными ивовыми ветвями. Вал был не только крутой, но и обливался в зимнее время водой, превращающейся в лёд. Дальше находился не слишком широкий ров с изрядно осевшими стенками, через который была переброшена пара отёсанных брёвен.

К тому времени – наступила уже середина студенья – он свёл первое знакомство с местной конной стражей, отличной от городского ополчения, охранявшего только башни и ворота, последние вместе со служилыми дворянами. В основном он сопровождал сотского Гиттина, которому придавал значимости своим видом телохранителя и который начал доверять ему мелкие служебные поручения. Сотский – это не сотник, а чин городского ополчения, прежде возглавлявший один из «концов» города и подчинявшийся главе ополчения – тысяцкому. Должность тысяцкого упразднили после присоединения Липенска к Висагете, а четверо сотских остались. Гиттин был старшим из них и отвечал за охрану города как такового, без внешнего округа.

В отличие от постепенно проникающегося доверием Гиттина, местные воины не принимали опального висагетца за своего, чурались, хотя опасались задевать в лицо. Важиня служил мостом, разрывающимся между берегами: он и к Мелидену чувствовал почтение, смешанное с земляческим родством, и с местными хотел бы побрататься. Впрочем, какие «местные» – большинство верховой стражи было собрано кто откуда, особенно сейчас, когда настоящие местные разъехались в так называемое полюдье. Объединялись эти служилые в земляческие группы, которым временами присылали подводу с кормами из прикрепленной деревни – тем и питались вкруговую из общего котла, сперва от одного кума, потом от другого.

Помимо землячеств, съезжие дворяне делились по чинам. «Лучшими» считали себя «дети боярские», причем и среди них выделялись «княжеского рода» и те, кто поднялся из простых дворян. Родословные припоминались земляками до пятого-седьмого колена, как и все обстоятельства возвышения или падения, с неизбежными во время склок преувеличениями. Ниже шли дворяне, образовавшиеся из рядовых дружинников, испомещённых на землю, либо из обременённых воинской повинностью старост. Среди них наблюдались свои деления: были городовые дворяне, обязанные охранять город и его ближайшие окрестности, были дворяне станичные, несшие дозорную службу на границе – в этих назначались самые молодые, сильные, умелые и с хорошим снаряжением. Станичные ставились выше городских, но и среди последних выделялись «лучшие», включающие так называемых «жильцов», имеющих собственные дома в городе, и «стременных» – наиболее вооружённых и искусных. «Стременные» служили личной конной охраной при воеводе, а также выполняли особо важные поручения вроде сопровождения казны, доставки наиболее ответственной или секретной почты, и часто назначались начальниками над прочими дворянами при выдаче отдельных мелких заданий. Наконец, ниже всех стояли «боевые холопы», то есть вооружённые слуги при дворянах или детях боярских. Иногда их называли послужильцами или «батожниками».

Кстати сказать, родной сын настоящего боярина обычно стоял выше любых «детей боярских», даже заслуженных и убелённых сединами. Боярин – это мелкий князь с собственной вотчиной, их в окраинных княжествах вроде липенского можно пересчитать по пальцам и даже в Висагете десятка полтора. Тогда как дворяне имеют поместья – условные держания с двором, описанные высшим князем в обмен на службу и подлежащие изъятию по её окончании. На деле, конечно, поместья с ходом времени превращались в наследственные и трудно отбираемые, а вотчины, напротив, облагались всё более жёсткими повинностями в пользу князя, что ставило под вопрос их вечность и неотчуждаемость. Однако разница еще сохранялась и хорошо осознавалась.

От чина зависели место за пиршественным столом в гриднице, очерёдность голоса при совете, изредка выдаваемое жалованье, но прежде всего «честь» – понятие неопределённое, но жизненно важное. В частности потому, что умаление чести ложилось на весь род и передавалось потомству. Стоило согласиться на низшее место за столом или на совете, и сын, и внук были бы обречены на это низшее по отношению к какому-то другому роду место, им обязательно припомнили бы прецедент. А значит, понижались их шансы занять высокую придворную или войсковую должность. Поэтому незначительный, казалось бы, вопрос о рассадке

за столом порой порождал свирепейшие ссоры вплоть до отчаянного мордобоя невзирая ни на какие пени и последующие княжеские наказания. Считалось, что лучше пострадать самому, чем подвести род и потомство. Впрочем, и князь обычно исповедовал те же взгляды и потому с пониманием воспринимал эти распри, какими бы безобразными они ни были, и не слишком усердствовал с карами.

Мелиден был чужаком-одиночкой для всех, столичного землячества в Липенске не имелось. И чин его был не вполне ясен. По грамоте он значился всего лишь висагетским городовым дворянином – но висагетским, то есть столичным и выше прочих городов. И еще недавно он был стремненным при самом великом князе, более того, гриднем-телохранителем. Последнее стало очевидным и без грамот, по повадкам и богатому снаряжению. С другой стороны, при нём имелся только один вооружённый слуга, и то не вполне его собственный, и малые корма.

Еще беспокоил вопрос денег. Получить припасы из отдалённого и мелкого поместья было трудно, просить не у кого и недостойно. Хорошо, что пока кормят в съезжей избе, но не вечно же там сидеть. Пока у него оставалось немного денег, но их следовало беречь. Где и как их достать – непонятно.

Также сидевшие в Липенске дворяне примерно поровну делились на «митрополичьих» (или просто православных) и «строного толка», в свою очередь распадавшегося на несколько направлений по причине отсутствия общего духовного главы. «Истинники» преобладали с полночной стороны от Липенска и были особенно многочисленны в Новом Городе и Веттаме. В Висагете их учения сочли ересью на церковном соборе два года назад и начали подвергать утеснениям, но в недавно подчинённых окраинных княжествах на это пока не решались, дабы не возбуждать смуту. Дворяне-«истинники» опасались обсуждать свои дела при Мелидене, подозревая в нём великокняжеского наушника, помимо естественной ревности жителей окраин к столичному гордецу. Он был выше местных кургузых крепышей на полголовы, необычно статен и ловок, и гладким бледным лицом отличался от окружающих багровых и опухших рож, заросших грязной волоснёй. Не свой человек.

Через несколько дней после приезда Мелиден выстрогал подобие большого и малого мечей из срубленной лещины, а Важиня вооружился саженой жердью, после чего начали биться между собой с неизменным итогом. Силы у Важини было с избытком, но скорости и вёрткости не хватало. Позже Мелиден стал вызывать на «потеху» любых желающих – сначала они и сами вызывались в изобилии – с деревянным мечом и щитом или подобием рогатины либо другой дубины. Естественно, дрались в доспехах и шлемах, кто что имел, с условием не бить в лицо и по суставам. Никто, однако, не мог продержаться и на «Отче наш», тем более на «Радуйся, Искадина». Обычно после одного-двух отводящих отбивов следовал молниеносный тычок в живот или грудь, иногда с него и начиналось, либо с заходом в сторону удар по ноге и сразу же по голове.

Причем опытный Мелиден с первого взгляда подмечал, кого можно сносить напрямую, а с кем лучше кружиться. Если противник слишком хорошо закрывался щитом, Мелиден блокировал его дубину и бил ногой в живот, бок или бедро с такой силой, что ощущалась даже через толстый тулуп с подшитыми внутри железками, и воин падал на землю, сам же Мелиден не терял равновесие и тут же показывал добивание. Если особо могучий соперник не валился от пинка, неуловимым образом Мелиден оказывался за его спиной и бил стопой под стиб колена, одновременно захватывал за шею временно освободившейся рукой, пока другая удерживала дубину, закручивал и бросал, после чего опять-таки показывал добивающий удар. Наконец, Мелиден стал вызывать двух и трёх противников разом, и со всеми справлялся с неизменно удивляющими быстротой и поворотливостью.

Количество желающих опозориться убывало с каждым днём, лишь немногие упрямыцы выходили на потешное поле вновь и вновь. Сотский Гиттин только ахал и охал, глядя на коло-

вращение, другие старейшины боярских детей одобрительно хмыкали в пробитые сединой бороды.

Некоторые просили научить, но Мелидену приходилось отвечать, что быстро ничему не научишься, а для долгой учёбы нет возможности, и не умеет он учить – выразить словами совсем не то же, что сражаться самому. Ведь суть не в тайных фехтовальных приёмах, которые можно было бы быстро раскрыть непосвящённым – зрители и сами это видели, набор приёмов был не такой уж обширный и вполне понятный, хотя некоторые хитрые. Но выполнял он их столь резко и стремительно, что глаз едва успевал следить, и с неизменной точностью, поворачивался мгновенно и передвигался молниеносно, каждый раз оказываясь в единственно нужном месте, не дальше и не ближе от противника, чем следовало, и там, где он был не готов. Не терял равновесия, попадал без промаха, при этом на вид почти не уставал. А вот для этого действительно нужно упражняться несколько лет и с умом, пока тело и дух не перестроятся на нужный лад, пока не дойдёшь до собственного внутреннего понимания того, на что учитель указал краткими подсказками и своим примером.

– Говоришь, средиземец тебя этому научил?

– Да, беглый мастер Нимвурд из Камбенета. За шесть лет, причем первые три года упражнялся каждый день, потом реже. И другие учили тоже. Всё-таки столица и великокняжеский двор, не хрен собачий. Думаете, вру, когда говорил, что был гриднем великого князя и провёл восемь судебных поединков, все выиграл.

– Зато наши сильнее и ловчее стреляют из лука, чем ты из своего самострела, особенно верхом.

– Сильнее вряд ли, мой имеет силу тридцать гривенок и в семь раз увеличивает её через рычаг. Быстрее – да, самострел перезаряжать дольше и менее ловко, особенно зимой в рукавицах. Зато, если он уже взведён, первый выстрел можно сделать сразу – лишь болт вложить в жёлоб. Это важно при неожиданной стычке. А если стрелять издалека и спешившись, можно делать это с колена и даже лёжа, с опоры, и целить сколько надо.

– В верховом разезде не больно спешишься и спрячешься, когда преследуешь неприятеля либо уходишь на всём скаку.

– Нельзя всё во всём делать лучше всех. Иногда двуручник и самострел лучше, иногда рогатина и лук. Потому они и придуманы, для разных случаев. Если пособлять друг другу, не будет слабых мест.

Мелидена начали ценить, но в свой круг по-прежнему не допускали, особенно косные и подозрительные «истинники». Всё равно он был столичный чужак, да еще непонятного положения. Хотя грубых слов не говорит и не задирается зря, а обычай не тот, видно, что с нравом и нелюдимый, и речью отличается от липенцев, новгородцев и веттамцев, не говоря уже о низовских с Тадзены.

Глава 8. Станичный поход

Только через два дня после приезда воеводы Мелидена вызвали в его терем. Очевидно, сначала верхушка обсуждала в узком кругу, кто он такой и как к нему отнестись, помимо устройства воеводой собственных хозяйственных дел после сбора оброка с деревень. Украшенный резьбой терем имел целых три этажа; таким, но с комнатами пониже и поменьше, был разве что дом управителя. Присутствовали сам воевода Гаур Воданиг, печатник Тунжа, начальник охраны Икут, также называемый окольничим, и сотский Гиттин. Встретили Мелидена настороженно, но без враждебности. Сначала шли общие расспросы о делах в Висагете, о здоровье великого князя и прочих новостях. Мелиден отвечал кратко и почтительно, опасаясь вдаваться в подробности придворной жизни и пересказывать слухи, хотя мог бы рассказать много нелицеприятного, особенно про новых грютских советников Ларса Вагунига. Потом принесли варёный мёд и лёгкую закуску, разговор перенёсся на собственные Мелиденовы дела, его воинское умение и судебные поединки. Между прочим, воевода поинтересовался, способен ли Мелиден снести голову быку.

– Могу, – коротко отвечал Мелиден.

– А пополам по филею разрубить сможешь?

– Это как получится, но вряд ли. Достаточного навыка нет. При забое шкуры берегут.

А также меч жалко.

– А если пробу устроим? Сейчас самый забой по первым морозам.

– И бесплатно покажу. Лишь скотину поставьте.

Затем воевода сказал, что сотенный хотел бы оставить Мелидена при себе стременным, но такому молодцу о трёх конях и с полным вооружением самое место в станичной службе. Поскольку подмёрзли реки, установился санный путь, началась торговля, нужен особый досмотр и помощь таможенникам, чтобы помешать беглым холопам уходить на среднеземскую сторону. Вместе с купцами на дороги полезли разбойники, в том числе с сопредельной стороны. Сейчас как раз собирается отряд для помощи станичной службе, на один месяц включая дорогу туда и обратно. Мелиден отвечал, что готов выступить хоть сегодня. Сегодня не надо, сказал воевода, а через три дня будет в самый раз. Сбор у воеводского терема.

В оставшиеся дни Мелиден выводил коней из управительской конюшни, выезжал рысью и небыстрым скоком, рубил с ходу ивовые прутья и надетые на них старые корзины, стрелял за городом из самострела в одинокую ель с обрубленными снизу ветками. Между тем, воевода и впрямь прислал к нему слугу с приглашением показать молодецкий удар на бойне. Мелиден не замедлил. Когда ему показали быка, привязанного верёвкой к колу, он походил около, не обращая вроде бы на быка внимания, описал несколько фигур двуручником в воздухе, вздохнул несколько раз глубоко. И в какой-то момент, как бы невзначай повернувшись, нанёс короткий удар с резким выдохом и выпадом на левую ногу, так что движение оказалось почти незаметным для зрителей. Но меч остановился перед передними ногами быка, а Мелиден выверенным прыжком отскочил назад, когда отрубленная голова рухнула на землю и из шеи фонтаном хлынула кровь. То же он повторил второй и третий раз.

– Тебе бы мясником работать с такими навыками. Так быстро проделываешь, что непонятно, как успеваешь. Небось, перебил скотины немерено в своей Висагете. Но мог бы не торопиться так, подходить с расстановкой.

– Я не в каты собираюсь, а упражняю воинское умение, – с достоинством отвечал воеводе Мелиден. – Вся суть в том, чтобы собраться для удара незаметно для противника, будь то бык или человек. И ударить точно в нужный миг с полной силой. Долго примерившись и приладившись многие смогут. Другое дело – вот так, с ходу.

– Видим, что не врѣшь, будто служил при великом князе Ларсе. А поперѣк лошадь пере-рубить сможешь? Есть старая кляча, всё равно забивать.

– Дурное дело лошадей убивать, пусть старых. Но могу попробовать. Однако не ручаюсь, нет достаточного навыка.

Вывели лошадь, действительно мелкую клячу, едва держащуюся на ногах. На этот раз Мелиден не стал расхаживать с непричастным видом, подошёл с боку, примерился и ударил – но недорубил: перебив хребет, меч застрял на двух третях.

– Я же говорил, нет полного навыка, – с досадой заметил Мелиден, выдернув меч из павшей лошади. – Силы и точности, может быть, хватило, но слишком короткий вышел удар. Надо было опуститься в коленях, чтобы меч дошёл до брюха. А может, он уже затупился на быках и потому застрял, попал щербиной. Заточка тоже имеет значение, и не последнее.

Закончился день пиrom у воеводы. Похоже, воевода Гаур был не прочь сделать телохранителя великого князя своим собственным. Он велел Мелидену со слугой после возвращения из станичного похода поселиться в пристройке при своём тереме, поскольку съезжую избу пора освобождать. В этом была немалая честь, но Мелидена она не слишком обрадовала. Торчать при старике с тяжѣлым нравом – палка о двух концах, лучше бы сидеть где-нибудь на отшибе. Однако выбирать не приходилось.

На следующий день он стал готовиться к походу. Все три коня были здоровы, и даже большая часть домашних запасов еще сохранялась – овсяная мука, ржаные сухари, солонина, сушеные грибы, чеснок и даже горшок с топлѣным маслом. Поход их, скорее всего, исчерпает, дальше оставалось надеяться на воеводские харчи. Ожидать чего-то из дома в ближайшие месяц-два не приходилось. Хорошо бы у самих родных всё было в порядке. Мелиден оставил жене большую часть полученных от поединков денег, но когда-то они кончатся. Всего месяц прошѣл с отъезда из Висагеты, а былая жизнь словно осталась в далѣком прошлом. К новой Мелиден вроде бы приспособился, но настроение оставалось неизменно мрачным, слишком всё шатко и как бы навязано внешней недоброй силой. Видимо, это читалось на его лице, что также не способствовало сближению с кем-либо из местных.

В назначенный день перед воеводским теремом собрался отряд человек тридцать, они должны были сменить такой же на полуденном участке границы. Лучше было бы сторожить торговую дорогу к пограничному мосту, но на лёгкую и прибыльную службу были назначены самые старые и родовитые боярские дети со своими холопами. Его же отряду предстояло следить по лесам и неудобьям за верхним течением пограничной реки Сивехры там, где она ускоряет ход между каменными буграми, предвещием гор, начинающихся за Камейским городком.

Припоминается, что на пиру после быкоубийства захмелевший воевода поручал Мелидену поймать некоего разбойника Окулшу, с небольшой отчаянной шайкой досаждавшего проезжим купцам и переводившего беглых холопов и преступников на средиземскую сторону. Мелиден рассудительно отвечал, что если встретит лицом к лицу этого Окулшу и кого еще из воров, то располосует в лучшем виде, только где же его встретить. Он человек новый даже в Липенске, всего три недели, не знает ни мест, ни людей – ни лесных дорог и укryвищ, ни тех, кто может служить разбойнику наводчиком или скупщиком добычи. Это могут знать только местные, те люди воеводы, кто живѣт на границе постоянно, годами. С них и надо спрашивать. Если же будет точное указание, то Мелиден не подведѣт.

Окольный Икут остался в Липенске – он тоже присутствовал при разговорах с воеводой, но помалкивал, не зная, видеть ли в Мелидене будущего соперника или подручного, а во время пира набрался мѣда и только что завезѣнного заморского вина до невменяемого состояния. Выяснилось, что прозвище «Палач» он носил не за особую личную жестокость, хотя и не отличался мягкосердечием, а по наследству от отца, тоже липенского окольного, действительно губителя холопов. Вообще, все местные имели клички, зачастую едкие, которые шли в ход при уличных встречах без всякого стеснения. Сильный и умелый боец, Икут питал

пагубную страсть к хмельному, которая уже начала сказываться на нём неприглядным образом и впоследствии погубила. Увы, частый порок в воинской среде.

Командовать отрядом полу-назначили, полу-выбрали Катазакриса по прозвищу Огурец из боярских детей города Малого Телема на стыке липенского княжества и лесостепи. По знатности он не отвечал своему месту, зато был опытным воином, хорошо знающим пограничные пути, и искусным конным стрелком из рогового лука, как многие полуденные медвежцы, перенявшие этот навык у кочевников. Кроме лука, он обладал саблей, кистенем и ременной плетью, которыми пользовался с необычайной ловкостью. Некоторые были вооружены примерно так же, другие имели совни или рогатины в придачу к неременному луку со стрелами.

Посторонний затруднился бы отличить воинов друг от друга – они не имели никаких опознавательных знаков, все заросли густыми бородами, низко на лоб спускались отороченные мехом островерхие шапки, скрывающие под собой шлемы. Долгополые, с короткими рукавами и высокими воротами тегиляи были одинаково засалены и грязны. Только очень наметанный глаз мог бы определить, на ком только набитый конским волосом либо пеньковым очесом и прошитый пеньковыми же верёвками кафтан, а у кого внутри спрятан настоящий панцирь из прочно связанных железных пластин.

Тем не менее, между собой воины разбирались хорошо – почти половину отряда составляли боевые холопы, безропотно довольствовавшиеся объедками после хозяев. Хотя и хозяева не роскошествовали: у всех припасы ограничивались мешком пропаренного овса и половиной пуда солонины, благо соль в Липенске стоила значительно дешевле, чем в Висагете, по причине ближнего торга с норками.

До границы от Липенска меньше двухсот вёрст или четыре неполных перехода. Конные преодолели это расстояние за неполные два дня по отличной дороге. Неглубокий снег был только-только достаточен для саней, мелкий снежок изредка падал с неба, временами переходя в слабую морось. Для путников, ночующих в неотопливаемых сараях или вовсе в ельнике, поскольку не хватает места для всех в крохотных курных избушках мелких деревень, погода имеет первостепенное значение. Пока погода была хороша.

Мелиден, как очевидно лучше снаряжённый для ближнего боя, естественным образом оказался возле начальника отряда, охраняя его меткий лук от неприятельских неожиданностей. Вероятно, бесхитростное прозвище «Огурец» Катазакрис получил за зелёный цвет тегиляя. Но в разговоры не вступали, ехали молча.

Перед самой границей переночевали более-менее удобно в ямском дворе Авренского городка и соседних избах; реку усеяли рыбаки, по первому льду ловившие налимов, сигов и щук; по дороге непрерывно двигались обозы – главный торг был на средиземской стороне, в большом городе Иннедригане. Утром следующего дня отряд отправился на юг вдоль Сивехры; ему предстояло разделиться надвое, подкрепив собой ближнюю и дальнюю станицы, каждой из которых поручалось примерно шестьдесят вёрст пограничного рубежа – пока пятеро отдыхали в станице, одна пятёрка объезжала одну сторону, а другая другую.

Забавно, что средиземские хроники, повествуя о неудачах в боях с медвежскими схизматиками, как правило, приписывали их бесчисленности орд неверных варваров. В действительности в малолюдном и бедном Медвежье редко собиралось служилое войско больше тысячи-двух конных, в мирное же время большинство служилых дворян сидели в поместьях и призывались на охрану границы в малом числе, по очереди, выходя полностью только на весенний либо зимний смотр – где как. Вдобавок, основные силы обычно стояли на полуденной засечной черте против хищных кочевников-сыроядцев. Протяжённую западную границу охраняли считанные сотни воинов, распределённых между станицами и гарнизонами главных городов.

Мелидену по жребью досталась дальняя станица верстах в ста пятидесяти. Хорошая поначалу дорога сменилась тропой среди высокоствольного леса, но видно было, что её чистят от упавших деревьев. Ехали настрожённо, опасаясь как своих разбойников, так и набегаю-

щих с другой стороны. Равнина первых двух третей пути сменилась холмами, сначала невысокими, потом всё более крутыми и каменистыми, причем средиземский берег был заметно выше и недоступнее.

Дальнюю станицу местные называли Лучанской, то есть находящейся в излучине реки. Она представляла собой небольшой посёлок на крутом каменном холме и была защищена сосновым частоколом, укреплённым грубой каменной кладкой внизу, с двумя воротными башнями из огромных брёвен и высокой дозорной вышкой. Местные жили в просторных избах с грубыми каменными печами (в Липенске преобладали глиняные), топившихся по-чёрному.

Для приезжих предназначалась войсковая изба с двумя печами в разных концах, с нарами-полатями по бокам и длинным грубо сколоченным столом посередине. Имелась большая кадка с водой, в которой плавали перевязанные в восьмиконечный крест лучины – чтобы черти в воду не лезли. Хоть в церковь медвежский люд ходил только по главным случаям, для разрешения любой повседневной нужды у него имелись особый приём или молитва, напоминающая заговор и связываемая с именем какого-нибудь святителя – от лихоманки, от порчи, для изгнания нечистой силы, от врагов, для удачи в торговых делах и т. д.

Ничего другого в строении с крохотными забранными ставнями оконцами под чёрным, как смоль, потолком не было. Правда, висели пучки трав, помогающих от насекомых, но не от блох, постоянно перескакивающих с разной скотины. В этом обширном «съезжем дворе» было темно и днём, спасала сосновая лучина, добавлявшая копоты. Грязное, с заплёванным дощатым полом помещение не располагало к долгому отдыху – поели, поспали и на службу. В соседней конюшне с сеновалом под островерхой крышей было намного уютнее, некоторые там и спали в не слишком холодную погоду.

Главным развлечением и даже в чём-то священнодействием были общие обеды. Перекрестившись, садились тесно за шербатый стол без скатерти, притаскивали на жердях большой котёл, и назначенный человек разливал половником сдобренные овсяной мукой щи в огромные миски. На каждую приходилось пять человек, которые по очереди черпали из неё большими деревянными ложками, подставляя под ложку ломоть чёрного хлеба, чтобы не расплескать на стол. Ели долго, разогреваясь от пара и пота, вытирали красные лица рушником, одним на несколько человек. Их потом стирали местные бабы.

После этого из котла вытаскивали большущий кусок варёной говядины и на деревянном блюде резали тесаком на куски, раздаваемые затем сотрапезникам. Те опять подставляли под свой кусок ломоть хлеба, откусывали и жевали, не торопясь. Завершая трапезу, вставали и крестились, после чего начинались досужие разговоры.

Мелидену молчаливо сочувствовали, уже зная его историю.

– Не весел, удалец? – утвердительно спрашивали его временами.

– Чему радоваться. Еще недавно лицезрел самого великого князя и митрополита в золотых ризах, как вас сейчас. На божьем поле сражался, всегда с удачей, сотни на меня любовались, снимал доспехи, большие деньги имел. Теперь здесь щи хлебаю из кислой капусты и давлю тараканов. Жену оставил и сына младенца, сироту при живом отце. Хорошо, имение не отобрали, какое ни худое, а будет им прокорм. Для вас такая жизнь в обычай, для меня падение...

Большинство изб располагались вне станицы внизу; всего их было до сотни, из них внутри частокола только десяток домов местных «жильцов», освобождённых от податей за службу по охране рубежа, иногда им привозили и мелкие «выдачи» из Липенска, обычно сукном и солью. Кроме того, каждые 20 дворов в приграничной полосе обязаны были вскладчину выставлять одного воина. То есть приезжими полутора десятками силы станицы не ограничивались, было примерно столько же местных служивых во главе со старостой, не считая ополченцев в постоянных внешних дозорах. Не густо, но и место наиболее глухое, нехоженое.

Особенно недоступное со средиземской стороны, где среди сплошных обрывов и буреломов бродили только редкие охотники.

Во время дозорных разездов ратники порой сбивали меткой стрелой птицу с дальнего сука или бегущего зайца. Мелиден не стрелял, берёт дорогие болты. На беззлобные насмешки отвечал угрюмо: «Попадётся что-нибудь крупное, узнаете, каков мой самострел». Но ничего крупного не попадалось. Удаляться от наезженной тропы опасались, чтобы не поломать ноги лошадям на скользких, покрытых тонким снегом камнях.

Глухие места приманивали разного рода изгоев, беглых преступников и разбойников. В борьбе с ними служилые дворяне, направленные из дальних мест, могли оказать лишь ограниченную помощь постоянным станичным сидельцам. А те не хотели осложнять себе жизнь стычками с «гулящими людьми», или даже находили с ними взаимовыгодный общий язык. «Пусть об этом у начальства голова болит» – думал про себя Мелиден, – «я и сам здесь наполовину гулящий человек. Моё дело маленькое, куда скажут, туда пойду, кого встречу, с тем и буду биться. А самому лезть на рожон без надобности». Но выходы на тот берег он хотел разведать, на всякий случай, как и порядок охраны рубежа, и именно ради этого столь охотно согласился на станичный поход, хотя мог попытаться сразу пристроиться при воеводе.

По бледному небу плыли редкие облака, шумела близкая река, на каменных холмах величаво вздымались заснеженные ели, здоровье Мелидену пока не отказывало, и товарищи оказались не такими вахлаками, какими представлялись вначале. Но на душе всё равно стояла беспросветная мгла.

Он не тешил себя надеждами, что в Висагете его забудут – и те, кто подвёл под монастырь его отца и опорочил его самого перед великим князем, и мстительные Ветисские. А куда спастись дальше из Липенска? Только через границу в герцогство Иннедриганское, называемое Ремитой. Все другие пути очевидно хуже. Он знает средиземский язык, познакомился с их обычаями, и там привычная городская жизнь, совсем отрываться от которой тяжело. Не вполне привычная, конечно, но он не способен вечно жить в лесном разбойничьем логове или отшельническом скиту на востоке. И на степной границе делать нечего, и нравы работоторговцев Грюта Полуденного, коварных и своекорыстных, ему слишком хорошо знакомы, чтобы надеяться, будто неверный медвежский беглец у них сможет избежать колодки на шее.

То есть подходил только путь на запад. Не то, чтобы он прельщал – совсем даже нет. Но как быть, если дела и дальше пойдут от плохого к худшему. Пребывание в Липенске всё более тяготило – здесь, в неспешных пограничных разездах снова было время предаться неотступным тяжким мыслям. Необходимость приспособливаться к незлым вроде бы, но свое нравным воеводе, сотскому, окольниковому, отчуждённость грубых бородачей с окраин, эти постнорожие мракобесы «истинники»... Вечно жить «боевым холопом», строить себе карьеру мелкими шажками... Мелиден заметил, что непроизвольно начал вставлять средиземские слова в свои раздумья. Тоска по жене Людмиле заставила вспомнить когда-то выученные старые средиземские стихи:

Зима была бы хороша
И не страшны любые вьюги,
Когда бы тело и душа
Не рвались к ласковой подруге.

К чему от холода дрожать
Под завывание метели,
Когда бы мог с тобой лежать,
Моя любовь, в одной постели.

И это падение после детства в почти дворце в Грюте Полуденном, службы при самом великом князе в светлых теремах, возле новопостроенных белокаменных церквей, учёбы у Нимворда и разговоров с обходительными камбенетскими купцами и приказчиками, бесед с много знающими дьяками, после раззолоченных одежд и изысканных яств? На яства ему было плевать, тем более что и в Висагете их вкушали другие, всё равно в душе Мелидена исподволь копилась злоба на окружающую несправедливость. Пока она разряжалась в воинских упражнениях до изнеможения, но раньше или позже её придётся выплеснуть на тех, кто встанет поперёк дороги. Следовательно, надо быть готовым дать дёру дальше после очередного убийства, – брезжило в голове у Мелидена. Вольно или невольно, но расчётливый ум выстраивал все его действия на подготовку к этому нежеланному, но неизбежному «рывку».

Срок станичной службы пролетел незаметно. Никаких разбойников не поймали. Временно приписанных служилых дворян хватало лишь на разъезды по приречной тропе – тридцать вёрст в одну сторону, тридцать в другую, – но не на прочёсывание горных лесов в глубине. Однако через реку из Ремиты никто не лез или не оставлял следов во всяком случае. Вероятно, главной причиной затишья было то обстоятельство, что бурная в каменистых верховьях Сивехра не замёрзла этой тёплой зимой, только пар стоял над заснеженными берегами. Ни одного моста на их участке не имелось, перебраться вброд через ледяную высокую воду было почти невозможно. Ловить Окулшу начальник Катазакрис (странное грютское имя для русобородого медвежца) не собирался – как его поймаешь, если сами местные не укажут. Да и что ему делать в глуши в самый торговый сезон. Наверняка пасётся возле тракта, а в глухомань вернётся с награбленным много позже их смены.

Следующая смена запоздала на целых шесть дней, но опытный полусотник был к этому готов и умело растянул припасы. Обрато ехали уже в середине просинца, несколько оголодавшие, но в полном составе и добром настроении. В Липенск прибыли вечером в сочельник, когда начинается разговление перед великим постом и пекут сочни – лепёшки на конопляном масле. Воеводы с Палачом в городе не было – не дождавшись Мелидена пару дней, отправились надзирать за торгом в Иннедригане. То есть опять разминулись по дороге. Оставшийся в тереме за старшего инок-печатник Тунжа пробовал ругаться на опоздание, но получил грубый ответ, что Мелиден вернулся со всем отрядом, когда пришла смена и опоздали не они, а сменщики. О намерениях воеводы его никто не извещал и не мог же он сбежать со службы самовольно, хотя сидеть на границе лишние дни удовольствие небольшое.

Затем перебрались в пристройку у воеводского терема с малой глиняной печкой, тесную, но тёплую, и остаток просинца прошёл в относительном безделье. Что оказалось как нельзя кстати – в эти две недели ударили первые трескучие морозы. Опять маленькая, но удача среди большой неудачи – хоть проклятая зима перевалила за середину. Кормили у воеводы сытно; ни жены, ни детей у него не было, все умерли в чумной год, пока он был в полюдье.

Глава 9. Тасья и Аглавина

А за три дня до истечения этого ничегонеделания в воеводском тереме появилась Аглавина в сопровождении истиннической начётчицы Гиштасии, которую обычно звали просто Тасьей. Приехали судиться с соседом – убийцей мужа Аглавины. Но раз воеводы не оказалось на месте, остановились у Тасьи в пригороде, а пока каждый день ходили к терему проводить у воеводских слуг и знакомых «истинной веры», что к чему.

Вскоре Мелиден почувствовал пристальный интерес этой странной пары, тем более необычный, что не скрывал своё недоверчивое, сдержанно говоря, отношение к воззрениям и поведению «новгородских еретиков». При каждом походе в терем Тасья умело пыталась завязать с ним разговор, расспрашивая о том, о сём. Одновременно она разузнавала о нём у глуповатого Важини.

Тон в этой паре задавала именно Тасья, хотя дело было не её, а Аглавины. Но у раскольников она пользовалась очевидным авторитетом, служила как бы добровольным поверенным по их делам, хотя основным её занятием было обучение их детей своеобразной «истиннической» премудрости впридачу к основам грамоты.

На вид ей было под сорок лет, но её удлинённое восковое лицо было красиво вневременной аскетической красотой, словно списанной с икон святых подвижниц. Одета она была в длинное чёрное платье грубой шерсти с таким же чёрным платком, плотно закрывающим волосы; эта чернота отчасти скрывалась старой шубейкой на беличьем меху и такой же шапкой. Неслышные, мягкие движения придавали строгую женственность её стройной фигуре, однако ярко красные, пусть и постоянно сжатые губы расходились с образом отрешённой от мирских соблазнов аскетки с опущенными долу тёмными очами. Речь у неё тоже была ласковая, плавная, полупешечущая и неожиданно умная. В то же время к своим раскольникам она обращалась с заметной самоуверенностью, очевидно зная слабости каждого. Это было видно по приветствию только кивком головы на почтительное бормотание со снятием шапки степенных бородачей. Намётанный глаз Мелидена было трудно обмануть и он не сомневался, что при надобности смиренная черница может обнаружить незаурядную быстроту и ловкость вкупе с выносливостью.

Напротив, высокая и статная Аглавина держалась сзади, в разговор вступала неохотно, на любые вопросы отвечала коротко и резко, на Мелидена её большие серые глаза смотрели искоса и с явным недоверием. На ней был толстый бараний тулуп и её волосы тоже были покрыты плотным чёрным платком под ушастой меховой шапкой, но с первого же взгляда Мелиден заметил, что она на редкость красивая девица с тонкими чертами лица, какие в Липенске нечасто встретишь. Разве что управителя чернявая служанка Найна, да и той далеко.

Что и говорить, зацепила девка Мелидена, на что и был несомненный расчёт. Иначе бы он послал двуличных еретичек далеко и без долгих обиняков. И о цели непрошеного знакомства было нетрудно догадаться – явно грядёт очередной Божий суд, а назначить заступником Аглавине некого или не на что. А какие у него, Мелидена, другие достоинства кроме репутации наёмного поединщика, с точки зрения «истинников»? Никаких, одни грехи и закоснелость в пороках. Странно, конечно, что боголюбивые фанатики решили развести его на женскую прелесть, но на то они и лицемеры. Всё сумеют оправдать со ссылками на святых отцов и матерей, когда им это выгодно. «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасёшься».

Но разум разумом, а плоть воистину слаба. Вежливо отвечая на настойчивые расспросы Гиштасии о житье-бытье, Мелиден нет-нет, да и косился на маячившую сзади Аглавину. И действительно, до чего же хороша – высокая, тонкая, строгая, как раз такая, к каким Мелиден испытывал болезненную и неудачливую слабость. Может быть, за такую и впрямь не жалко

голову сложить. Чего её так уж беречь, голову-то. Будто впереди ждёт что-то хорошее, а не одна тоска и убожество.

На третий день хождений вокруг и около Мелиден решил поговорить начистоту. Приметив, что пара снова на заднем дворе воеводского терема и о чём-то толкует втихомолку со слугами, он нарочно начал разминаться в стороне с двуручником с особой быстротой и напором, показывая товар лицом. Мороз к тому времени спал. Сделав перерыв, разгорячённый, он сам подошёл к Тасье и спросил с подчёркнутой любезностью и лёгкой улыбкой, хотя глаза совсем не улыбались:

– Как вам моё умение? Нравится? Это не всё, что я могу.

И когда она стала расточать неискренние похвалы удалому молодцу, молодец её оборвал, перестав улыбаться:

– Почтенная Гиштасие, кажется, у тебя есть ко мне какое-то дело. Вряд ли такой человек, как я, может быть вам любезен сам по себе. Так не пора ли признаться откровенно, в чём именно у тебя нужда. Или не у тебя, а у твоей скромной спутницы? В таком случае, почему бы ей тоже не поведать своё дело. Я не серый волк, охотящийся на красных девиц, и не кусаюсь без веских причин.

Судя по сразу поджатым в струнку губам, Тасье вряд ли понравилась такая прямолинейность, но не подав виду, она приняла предложенный тон:

– Дело у нас щекотливое, честный муж Мелиден Варсин, и ты, кажется, догадываешься, какое дело. Нам тоже неудобно подстергать тебя на виду у всей воеводской дворни. Не будешь ли ты так добр отужинать у нас в Сычугах, там можно будет побеседовать в покое. Как солнце сядет, я бы встретила тебя на этом самом месте и проводила до дома, это недалеко, версты две.

– Нет ничего лучше, буду на месте обязательно. Или подойдите к нашей пристройке, когда будет удобно, чтобы точно не разминуться, вы же знаете, где я живу.

Похоже, не так Тасья рассчитывала сойтись с Мелиденом для частной задушевной беседы, да и он чувствовал, что ведёт себя не как принято. Неуклюже и в чём-то грубо, несмотря на обходительные фразы. Ну да ладно, не ему что-то нужно, а им от него. Иначе бы и не поглядели в его сторону, отвалили бы молодца от крыльца.

По такому случаю он немедленно отправился к цирюльнику на торгу у Висагетских ворот и, не пожалев пары медяков, велел гладко сбрить только что отросшую за месяц с небольшим бороду, оставив небольшие усы – ходить совсем голобородым, как средиземский поганец, в Медвежье было не принято. Умылся снегом и ледяной водой, почистился, насколько можно было почиститься, не имея сменной одежды, и стал ждать. Но кольчугу всё-таки надел под тёплый кафтан – бережёного бог бережёт. А с коротким мечом и ножом у пояса он не расставался никогда.

Деревня получернички Тасьи находилась в двух-трёх верстах на полночь от Липенска на косогоре. Новенькая избушка глядела шатровыми воротами на улицу, а огородом на задах выходила к пруду. Туда вёл крутой спуск, заросший сухим бурьяном, и между голыми деревьями виднелись вдалеке стены и церкви Липенска.

И хозяйство, и изба Тасьи были небольшими, зато в них царили такие порядок и чистота, какие можно встретить только в монастырях, и то не всяких. Как уже говорилось, Тасья была домашней учительницей у «истинников» и каждое утро, начиная с осени, после страды, к ней сбегался десяток ребятишек. После молитвы они учились за деревянным столом в переднем углу. Гладкие лавки и полати украшала искусная резьба из причудливых фигурок зверей и цветов, снизу они были пропитаны светлой смолой и сверху крашены жёлтой охрой. В дальнем углу Мелиден заметил полку с книгами в кожаных переплётах – большая редкость. На полу лежал плетёный половик, а печка была снабжена коробом-дымником – тоже редкость, когда даже купцы жили в курных избах. Даже у воеводы простые комнаты отапливались по-чёрному.

Сняв у входа мягкие сапожки из козьей кожи вместе с шубейкой, хозяйка осталась в одних чулках. В дальнем углу на полотах уже сидела Аглавина, тоже в шерстяных чулках без обуви, в белой холщовой рубашке, синем сарафане и тёмном платке. Печка жарко топилась, на ней что-то кипело в медном котелке.

Помявшись, Мелиден тоже принялся стаскивать сапоги с портянками вслед за кафтаном, чтобы не пачкать в избе. Под портянками он, не в пример другим служилым дворянам, носил высокие чулки из грубой шерсти, уже дырявые, но еще дававшие дополнительную защиту ногам. Оставались пояс с мечом и ножом в ножнах и кольчуга поверх кожаной рубашки. После еще одной заминки, он стащил и кольчугу с поясом, положив на лавку около стола. Будь что будет, а идти к женщинам, как на брань, не пристало.

Чтобы сгладить сохранявшуюся неловкость, Тасья вытащила небольшой кувшин с хмельным мёдом и к нему тарелку с солёной капустой, политой конопляным маслом. «Серьёзное дело», – подумалось Мелидену. – «Просто так угощать мёдом чужака не будут. Он немало стоит».

– Не пугает, хозяйка, приглашать к себе такого гостя, да еще тайно и поздним вечером? Вы же наслышались обо мне всякого.

– Бог и святые угодники помогут, а что делать, милый, – спокойно отвечала Тасья. – Дело, как понимаешь, непростое. Не знаю, согласишься ли.

– Хотите, чтобы выступил на Божьем суде заступником, – вновь пошёл напрямик Мелиден. – Дело действительно непростое, даже если бы я согласился. Хотя непонятно пока, зачем мне соглашаться. Бахвальства ради зарубить кого-то и получить в кровные враги чей-то род уже здесь?

– Добрые люди подсказали, что ты лучший боец в Липенске, хоть не все об этом пока знают. И что ты вступился за вдову в Висагете за один рубль, не побоялся схватиться с боярским родом Ветисских. Неужели ввали люди? – холодно спросила Тасья.

– Нет, твои добрые люди не ввали. Я не побоюсь выйти в поле с любым здесь, в Липенске. Имею в виду пешим и врукопашную. Даже с двумя или тремя разом. Хоть после этого меня могут истыкать стрелами из засады, как ежа. И вдову защитил, почему тут и спасаюсь от кровной мести – не знаю, надолго ли. Но вдову я защитил не за рубль, а ради личных счётов с Ветисскими, не буду говорить, каких именно. А вам я почему должен быть заступником и порешить кого-то мне неведомого и никакого зла мне не причинившего. Я мельком слышал о вашем деле, тёмное оно какое-то. Нельзя ли рассказать полнее, с кем у вас спор и из-за чего.

– Дурное это дело, не буду скрывать. Но помоги девице, иначе пропадёт. Лучшая она наша голосовщица и первая красавица, а в такой попала переплёт, что только в омут.

– Голосовщица, это та, что молитвы ваши поёт «новгородские»? Так в чём же дело, против кого и из чьих будет ваша Аглавина? Почему за неё своя родня не вступится, не похожа она на сироту-приживалку. Ты-то ей кем приходишься, почтенная Тасья?

– Я дела веду боголюбивого народа, чтобы грехи свои отмолить. Сказано, что доброе дело зачтётся. А родом она из Самосадов, городка и пристани в тридцати верстах на полночь, куда соль возят от норков по Березайке. Богатый городок, и отец её Гуца – купец первого ряда, а братья известные силачи. Водят караваны по Березайке и Сивехре и в Липенске торгуют солью, дёгтем, древесным углём. Но три года назад сбил девку с толку Макер Горбатый, сын старика Тита Горбатого (это прозвище такое, горбатых среди них нет, по деду зовутся помершему) – грех сладок, а человек падок. Тоже крепкая семья, но пришлая и митрополичьей веры, с полуденной границы, целых шесть братьев, один, правда, монах, еще один – отрок, но двое знатные воины и охотники – Макер и другой, Артом. Осели в Самосадах лет тридцать назад или больше, как бельмо на глазу.

Помолчав, она тихо заговорила снова:

– Как у нас принято, отправили её в скит к старице Инаре на исправление. Замолит девка свой грех года два в Заболотье, потом всё утихнет и пристроят её с приданным за какого-нибудь бобыля или вдовца.

– Года два, это чтобы дитя сбросить и оправиться, богобоязненные? – насмешливо хмыльнулся Мелиден.

– Но в Заболотье снова бес попутал девку, больно хороша, – продолжала Тасья, сделав вид, будто не заметила невежу, но с растущим напряжением. – Увлёк её инок Ивтихан, чтоб ему неладно было, прости господи грешную. Увёл с собой на заимку – это еще дальше на полночь и на восход. Там у него крепкая изба и богатый выпас перед Мшаным болотом. Ребёнка прижил, сейчас ему второй год. Но недавно, и двух месяцев не прошло, подстерегли братья Горбатые Ивтихана по дороге к заимке и убили топором по лбу. Но усадьбу жечь и увести Аглавину не решились, говорят, Макер не позволил.

– А теперь Макер вздумал свататься к Аглавине, свою-то первую нелюбимую жену он замучил, бил смертным боем. Аглавина в ответ убежала с заимки в скит к Инаре. Но и там ей жить спокойно не дадут, братья же Гуцины не хотят за неё вступаться, опорочила она их семью. Вот старицы и старцы и решили представить это дело на суд воеводы. Защитить Аглавину – она наша лучшая голосовщица, другой такой нет до Веттама, – и дать укорот Горбатым. Они ведь, раз нашли дорогу на полночь и через кровь переступили, и скит заболотский могут спалить, а дары боголюбивого народа ограбить. Гуцины же братья сами не могут с ними бороться, так как на них сразу ляжет вина. Уж больно сильны пришлые.

– И что ж вы предъявите? Слово Аглавины против слова братьев Горбатовых? Кто еще видел это убийство в глухом лесу? Откуда о нём вообще узнали, проболтался кто-то спяну? Так это тоже слова – как сбрекнул, так и взял обратно. Да и Ивтихан ваш блаженный был разбойник хоть куда. Говорят, Артом Горбатый снял с него кошель с большими деньгами, сразу начал строиться невесть с чего и завёл свою торговлю. Кстати, кто-то ведь навёл Артома на Ивтихана, вы об этом подумали? Кто-то из ваших, «боголюбивых народов».

– А ты не язви, все мы грешные люди, – не сдержалась Тасья. – Кто навёл, сами разберёмся. Ты тоже, смотрю, нос сунул куда не следует. А с Горбатыми что-то надо делать. Они девку испортили, они и мужа её убили.

– Какого еще «мужа», – тут не сдержался уже Мелиден, – если жили в грехе невенчаные и скрывались где-то у болота. Зазнобу разбойника предлагаешь защищать и счёты ваши «новгородские» сводить моими «митрополичьими» руками. Если убрать елей и оставить суть. Не считай меня за дурака, «святая душа на костылях».

– Это кто ж тебе успел наболтать такое. Поистине, полон мир злоехидных змей. А тебя самого восемнадцать лет не должны в церковь пускать, «митрополичий человек». Забыл декрет митрополита Ганимохиса от 4443-го года про покаяние наёмных смертоубивцев с поля? Многие забыли с поущения Ларса Третьего Висагетского, но декрет не отменили.

– Как бы там ни было, а всё быльём поросло, – взяв себя в руки и разом успокоившись, продолжала Тасья. – Ивтихан помер и все его дела вместе с ним. А если не обломать Горбатовых здесь, на воеводском суде, не будет возврата Аглавине ни к себе на заимку, ни в Заболотье, ни к родным. Некому её защитить от Макара. Возьмёт он её в наложницы, а заимку разграбит и сожжёт. С первого раза не решился, теперь точно решится. Там один старик-приживал и пара скотниц с ребятами, что они могут? Поимей совесть, Тарлагина ради, тебе этот Макер на один зуб, вон как мечом махаешь, глаз не уследит. А у нас с ним никому не справиться. Или хочешь, чтобы люди говорили, что струсил деревенщины?

«А ведь верно, слухи распусят, потом не отмоешься, и в Липенске будешь ходить, как оплёванный», – мелькнуло в голове у Мелидена. Тем не менее, он улыбнулся в ответ:

– Не слишком ли явно на чести моей играешь. Что я тебе, гусак безмозглый или кобель-пустолай, на кого науськали, на того и бросается.

– Так не хочешь помочь? Мы соберём денег, но немного. Рубля три-четыре, даже если всю скотину продадим с заимки. Хотя как там будут жить бабы-приживалы, по миру пойдут.

– А что твоя Аглавина в углу сидит и молчит? Разве это не её дело в первую голову? Может, вы всё против её воли делаете, а она спит и видит, как этому Макеру на шею сесть. Чем плохо, если крепкий муж возьмёт вдову с ребёнком, да еще им же подпорченную.

– Да не позволят братья Горбатые, особенно старейшина Тит, жениться Макеру по чести. Ребёнок-то не от Макара. Главное, она сама его видеть не хочет, правда ведь, Аглавина? Что ты там сидишь.

Тогда Аглавина подсела, наконец, к столу, с бледным и напряжённым лицом.

– Не хочет, значит, такая судьба. Пусть будет, что будет. Я тебе говорила, что ничего из этого не выйдет.

– Так ты-то сама желаешь, чтобы я за тебя с Макером бился? И убил его на твоих глазах? – внезапно для самого себя бросил Мелиден. – Здесь Тасья ради тебя старается, пытается меня опутать словесами. Но я, если буду сражаться, то не за её словеса и даже не за твои пожитки, а за тебя. Ты сама этого хочешь? Поскольку только твоё слово важно.

– Да. Раз нет другого выхода, я бы хотела, чтобы ты избавил меня от Макара, а особенно от Артома. Лучше повешусь, чем буду жить с кровопийцами, – твёрдо ответила Аглавина. – Скажи, что тебе надо, и я соглашусь.

– А если я скажу, что хочу не деньги, а тебя?

– Лучше ты, чем Макер. Тебя я хотя бы не знаю.

– Хотя и во мне, стало быть, ничего хорошего. Спасибо за ласковое слово, душа-девица. Так значит, если одержу победу, ты согласна стать моей вместе с заимкой? Однако есть одно препятствие – у меня жена осталась в Висагете. Да и по «истинной вере» класть поклоны перед стариками не намерен, пусть и митрополичьими попами не пожалован. Как ты на это смотришь?

– Жестокий ты человек и нелюдимый, я это уже знаю. И грешник нераскаянный. Но пусть всё будет твоё и поступай, как знаешь. Лучше ты, чем проклятые Горбатые. Захочешь жить со мной на заимке, мне всё равно деваться некуда.

– Ну ладно, положим, я соглашусь. Мне тоже терять нечего, говоря по правде. Думаю, Ветисские и тут меня достанут раньше или позже, потому даже в гости хожу в кольчуге и с мечом, не взыщите. Лучше на заимке спастись, чем бежать за западную реку. Однако моего согласия мало. Согласится ли воевода на Божий суд? Согласятся ли Горбатые выйти против меня, как заместителя? Кто я для тебя – не родственник, не зависимый человек, даже не жених. Только наёмник. Но я княжеский боец, а они общинники, пусть и вольные. Горбатым тоже, наверное, подскажут о моём умении. У них есть право отказаться без проигрыша, как от боя с неравным противником.

– А ты говорил кому-то, что женат? – вмешалась Тасья.

– Я – нет. Но Важиня всё расскажет, если спросят. Хоть он не мой человек, но знает о моей семье, мы оба люди князя Баруха.

– За воеводу не беспокойся, это наша забота. Он нам благоволит и не чурается истинной веры. Вот если нового пришлют из вашей Висагеты, может быть по-другому. А Гаур назначит Божий суд, когда окажется слово против слова, не сомневайся. Он пришлых тоже не очень любит, извини за откровенность. К Горбатым уже послали гонца с приказом явиться на воеводский суд. Пришлось много дать на лапу его писарю Тунже, чтобы принял спор и послал приказ о явке еще до возвращения воеводы. Поэтому с деньгами у нас плохо, много дать не сможем. Так сколько ты хочешь?

– Не расслышала, старица, наш с Аглавиной разговор? Не сколько, а кого. Пусть Аглавина станет моей со всем, что унаследовала от своего «инока». Как смогу с этим распорядиться – тут уж как бог даст. Одно могу сказать твёрдо, что не обижу.

– Из огня да в полымя попадает девка. Примешь веру истинную?

– Как будто ты не понимала, на что её ведёшь, когда ко мне привела. Что до веры, любая тарлагинская вера истинная. Я же ясно сказал, что не буду поклоны класть перед невесть какими самих себя назначившими старцами. И молитвы ваши не буду читать по сто раз на дню. Делами надо грех свой искупать, не словесами. Достаточно, что не требую никаких грамот, скрепляющих наш договор. Хотя можно и составить, что отпишете на меня заимку, если будет Божий суд и я выйду заступником. А я составлю завещание в её пользу на случай, если Божий суд не выиграю.

– Экие вы крючки чернильные в Висагете. У нас на слово верят честные люди и на целование шетокса. Кто там твою грамоту будет читать на заимке, медведи что ли. Да и неизвестно еще, будет ли Божий суд.

– Понятно, что защита моих прав только мой меч и моё умение. А с грамотами покрепче было бы. Приятно знать, что по полному праву обладаешь, а не приبلудный какой-то.

– Да отпустит ли тебя еще воевода на заимку, со службы на блудное дело. Еще медведя не убил, уже шкуру делишь.

– И это неизвестно. Но попытаюсь получить отпуск как местный однодворец. Войны нет, торговое время скоро закончится. Чего зря воеводскую казну прожирать.

– А кто тебе рассказал про Ивтихана и деньги Артомовы?

– Слуга один воеводский. Думаете, не понял, чего вы возле меня вертитесь. И дворня поняла, не совсем дурные. Поэтому опасаюсь, как бы не предупредили вашего Макара, чтобы не связывался. Так что постарался тоже узнать, во что меня втянуть пытаются. А языки здесь без костей, похоже, все всё знают, только доказать ничего не могут и не отличишь, где чушь, где правда. И впрямь остаётся единственно Божий суд – кто сильней, тот и прав.

– Наговорились мы сегодня, пора поесть и на боковую. Не пустят ведь тебя в Липенск до утра, или пустят? Но не лезь к Аглавине, нет сейчас у тебя на неё прав.

– Я предупредил, чтобы не ждали до утра. А чужого мне не надо. Но что станет моё, то будет моё.

За ужином беседа продолжилась, но уже не о деле, а о жизни местной и в Висагете. Три огненных столпа видели в небе в городе Спервагеле к северу; по мнению «истинниц», это предвещало большую беду, вероятнее всего, пришествие волхвов либо обращение в них предавшихся дьяволу священнослужителей. Непривычный к долгим разговорам Мелиден больше спрашивал и женщины постепенно оттаяли. Сказался и кувшинчик с мёдом. Но всё еще посматривали настороженно, не ползет ли пришелец. Однако пришелец считал ниже своего достоинства торопить неизбежное. Так и улеглись по разным углам, а на рассвете разбуженный Мелиден наскоро позавтракал и вернулся в Липенск.

Махать после этого мечом на виду он остерёлся, незачем увеличивать свою и так чрезмерную известность. Выезжал за город, в лес. С просинцем закончились холода. Зато у Тасьи с Аглавиной он бывал теперь каждый вечер, когда уходили ученики. Теперь речь в основном шла о разных божественных предметах, всецело занимавших умы обеих женщин. Об отделении от «сынов тьмы» в преддверии «конца дней». Порой их учение казалось ему, воспитанному на более мягких понятиях, столь несусветной околесицей, что он невольно хмыкал, покачивая головой, но возражать открыто не решался. Он давно понял, что переубеждать окраинных религиозных фанатиков ему не по плечу, далеко не риторично-златоусту и не знатоку священных писаний. Выйдет только склока с взаимным ненужным озлоблением. Да и любопытно было послушать «истинническую» науку, что там они проповедают.

Глава 10. «Истинная вера»

Вкратце, космогония у поклонников «истинной веры» следующая: плоская и круглая Земля стоит на трёх огромных рыбах, плавающих в море-океане и питающихся райским благоуханием, просачивающимся из-под краёв небесной тверди; тело человека сотворено из семи частей: от камня – кости, от Чёрного моря – кровь (почему именно от Чёрного и где оно находится, начётчицы ответить не могли, за этим надо обращаться к более сведущим старцам, благочестивее просто верить и знать через веру), от солнца – глаза, от облака – мысли, от ветра – дыхание, от духа – теплота (от какого еще духа, от святого что ли? – ответ на этот вопрос был точно такой же, как на предыдущий); первочеловек Ангрут «начертан» богом пятого апреля в шестом часу дня (точно ли апреля? В древности у заморцев, где возвещал Тарлагин, год начинался не первого апреля, а первого марта после февральских очистительных жертвоприношений, хотя нигде не сказано, что начало года у земных властей как-то связано с сотворением мира, почему его и переносят кто туда, кто сюда – на это замечание обычный ответ Тасыи был уже с злобным шипением, после чего Мелиден окончательно воздержался от вопросов); без души он пролежал тридцать лет, без первоженщины Гизе жил тридцать дней, а в раю был всего от шестого часа до девятого; сатана зародился в морях Грюта Полуденного на девятом валу, а на небе был не более получаса; болезни в человеке оттого, что сатана истыкал тело первочеловека Ангрута в то время, когда господь уходил на небо за душой, и т. д. и т. п.

Всё это излагалось вязью в имеющих священный характер книгах «святых старцев», на свой лад перетолковывающих довольно краткое Писание Тарлагина, созданное по воспоминаниям его учеников. Обучение в школе Тасыи сводилось в основном к заучиванию выдержек из них наизусть, чему она деятельно помогала завязанным в узлы ремешком – по узелкам отсчитывали молитвы и поклоны обязательного «канона». Также учили рифмованные молитвы, хвалебные гимны господу и его глашатаям и подвижникам, и песнопения, прославляющие благочестивую скитскую жизнь. Остаток посвящался грамоте и простейшему счёту.

Вершиной же этой космогонии было подробнее разработанное учение об Антитарлагине, называемым «всескверным льстецом». По мнению «истинников», он уже родился и царствует духовно почти двести лет, подтверждением чему служат многие знамения, начиная с богопротивного Уртадагетского церковного собора 1173 г. по-средиземски или 4286-го по-нашему (он-то и открыл дорогу исчадию сатаны), а затем разные «властные знаки» – гербы, сословия, грамоты, клейма, карты, ликописание (то есть портреты), присяга. Далее следовало ношение иноземной «пестрины», париков, «ежом подклеенных по-бесовски», шейных шарфов, хождение женщин простоволосыми не только в церкви, но вообще при чужаках, моление на коленях, как у поганых западных душехватов. С его приходом началась порча нравов, еще худшее ожидается в ближайшем будущем, но не определено, когда именно – на этот счёт идут непрерывные споры. *«Воскипит земля кровью и смешаются реки с кровью; шесть полей останется, а седьмое будут сеять; не воспоёт пахарь в поле и из семи сёл люди соберутся в единое село, из семи деревень в единую деревню, из семи городов в один город. Запечатает всескверный льстец всех печатью чувственной и не будет того храма, где не было бы мертвеца. Увянет красота женская, отлетит мужское желание и так возжелают семь жён единого мужа, но в это время изомрут младенцы в лонах материнских и некому будет хоронить мёртвых. Затворится небо и земля не даст плода...»*. Под конец небо делается ледяным, а земля железной, и по воздуху пронесётся «всескверный льстец» на коне с огненной шерстью. Главная сила «льстеца» будет в том, что он всех одолеет голодом, пока все не покорятся ему и не примут его печать. Все эти несчастья совершатся постепенно, по мере того, как возгласят восемь труб. Когда же возгласит последняя восьмая труба, *«вся тварь восколеблется страхом и преисподняя вострепещет»*, а земля выгорит огнём на девять локтей. Только тогда насту-

пит второе пришествие Тарлагина: *«И как рассеивается дым и нет его больше, так исчезнет нечестие навеки, а праведность откроется как солнце. Тогда знание заполнит мир, и никогда не будет в нём больше безрассудства...»*

Полусумасшедшие видения старцев-отшельников принимались «истинниками» на полную веру, образуя простую и ясную картину мира, так что непонятно было, как чужеземные слепцы могут верить в свои детские сказки. Безусловная вера нисколько не мешала начётчикам обсуждать и комментировать каждое слово «истин» до бесконечности, пытаясь согласовать их между собой и установить наиболее точный вариант, попутно находя в них всё более глубокий смысл, иногда невообразимый для «непосвящённого».

Впрочем, так ли эти споры и толкования отличались от схоластики православной «митрополичьей» церкви? Разве что та выработала единую упрощённую догматику и успешно поддерживала это единство, а у «новгородцев» постоянно появлялись всё новые толки, следуя амбициям очередных святых старцев и усугубляя раскол. В полемике с вольнодумцами правоверные неизменно следовали единственному методу – на любую порождённую умствованиями каверзу и логически обоснованное сомнение подбирать очередной набор цитат из писания и канонических святых отцов, чем больше, тем лучше. Причем не имеет значения, что в действительности цитата была сказана по совершенно другому поводу и, по сути, к делу не относится. Неважно, главное, записано у авторитетов, следовательно, применимо всегда и везде.

Когда же посрамить злобесных раскольников в диспутах не удавалось, в ход шли другие средства. В это самое время Липенск обсуждал небывалую до сих пор новость. Архиепископ Нового Города и Веттама Гиндин, назначенный из Висагеты лет восемь назад и исполняющий решение церковного собора, устроил публичное поругание попов и дьяков, приставших к «истинническому толку» и обвинённых в осквернении икон. Гиндин повелел посадить их на вьючные сёдла спиной к голове коня, чтобы смотрели на запад в уготованный для них адский огонь, одежду же их повелел надеть задом наперед. На головы им надели заострённые берестяные шлемы с султанами из мочала и венцы из соломы вперемешку с сеном, с надписью на шлеме чернилами: «Вот сатанинское войско». И приказал архиепископ водить их по Новому Городу, и всем встречным приказал плевать в них и говорить: «Это враги и хулители божии». После же повелел сжечь шлемы, бывшие у них на головах. Некоторые сошли с ума от этой процедуры. Потом осуждённых кого изгнали, кого заточили.

Действо это, без сомнения, заимствовали у презираемой на словах западной вселенской церкви – она уже давно устраивала подобные процессии с еретиками и колдунами, одетыми в шутовские колпаки. Затем их сжигали, вешали или казнили иначе, где как заведено; в Медвежье до подобной жестокости к «отклоняющимся» еще не дошли, но если так пойдёт дальше, то ожидать можно всего.

Эта новгородская ересь, первоначально именуемая «стригальями» (то ли потому, что первый еретик был цирюльником, то ли из-за того, что её продвигали попы-расстриги) возникла лет сто пятьдесят назад, захватив и Веттам. Она призывала вернуться к духу первых тарлагинан, понимая буквально писания Основоположников, и отказаться от позже установленного «обрядоверия», считала церковное сословие излишним, требовала «нестяжания» священства, чьи ритуалы могут иметь силу только при личной беспорочности совершающего. Непримиимо порицала «ставленную пошлину», то есть плату за возведение в священники или дьяконы. Также «новгородцы» отвергали поклонение иконам (хотя не считали их вредным идолопоклонничеством, как некоторые другие ереси), не считали нужным посещение церкви, поскольку молиться можно где угодно – *«бог не в брёвнах, а в рёбрах»*, исповедь в церкви заменяли покаянием земле. Не признавали епископов и вместо хождения в храмы собирали свои отдельные собрания.

Они сомневались в воскресении мёртвых и особенно резко выступали против похоронных обрядов – *«не стоит над мёртвыми петь, ни поминать, ни службы творить, ни при-*

носа за умершего приносить к церкви, ни пиров устраивать, ни милостыню давать за душу умершего». Последнее шло особенно во вред православному духовенству, поскольку завещания и похоронные вклады, порой включавшие все владения бездетных дворян, являлись важнейшим источником богатства церквей и монастырей.

Ересь была подавлена во времена молодости Мелиденова деда – кого утопили, кого умиротворили в заточении – но во времена покорения Нового Города висагетским войском вспыхнула с новой силой, причем перекинулась на Липенск и саму Висагету. Особенно жёстко это новое «висагетское» поколение выступало против православного монашества, считая его следствием «самосмышления» и «самоучения». «Древнеардствующие» доказывали, что целомудрие и посты противоречат подлинным заветам Тарлагина, ссылаясь на слова апостола Страмаура: *«Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожжённых в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением»*. Ссылались на авторитетное житие святого Пахора, в котором говорилось, что монастырский устав, вырезанный навечно на медной пластине, и образец монашеских одежд Пахор получил от явившегося ему ангела в чёрном облачении. Но ангелы светлы и лучезарны, не мог ангел явиться в чёрном, следовательно, это был бес, и монашество – дьявольское изобретение...

При этом «строговерцы» или «истинники» вовсе не отрицали благотворность ухода от мира, но понимали своё «иночество» и «старчество» по-другому – не как мистическое замаливание грехов мирян, а как самоуглубление, праведный, нестяжательский и смиренный образ жизни, сходный с образом жизни первых пророков и Основоположников, и обучение ему более слабых. Из Грюта они заимствовали особые методы духовного сосредоточения и отрешения от мирского. Однако когда умирали или слабели старцы-основатели, многие пустыни и скиты опять клонились к формальной молитвенной обрядности.

До недавних пор великий князь терпимо относился к этой ереси, поскольку она позволила ему обосновать захват половины земель новгородских монастырей и многих монастырских деревень в старых владениях, для которых не смогли представить достаточных подтверждающих грамот. Это позволило испоместить две тысячи дополнительных служилых дворян. Но сейчас отношение изменилось – возможно, под влиянием грютской жены, возможно и потому, что отклонение раскольнических толков от правоверия увеличивалось и представлялось всё более опасным.

В последнее время на полдень стала проникать «поморская вера» некоего старца Жищегритиса, оживлённо обсуждавшаяся женщинами между собой. Поклонники старца, к которым перебежали некоторые из «истинников» и склонялся сам покойный Ивтихан, полагали, что достаточно принять новое имя с определёнными обрядами, и все прошлые грехи разом снимутся, после чего можно начать совершенно новую жизнь. Только надо называть себя духовными братьями и сёстрами, потому что плотский союз мужей и жён скверен как подражание первогреху Ангрута и Гизе, а братья и сёстры – единая плоть и их соединение безгрешно.

С запада, из Средиземья, лезла более ранняя секта – возвращенцев или перекрёстов. Эти настаивали, что священное омовение и торжественное воцерковление нужно принимать в сознательном возрасте – как его принял сам Тарлагин, полностью отвергали особую благодать священства и иноческое отшельничество, не признавали икон и мощей, считая их идолопоклонничеством, а самые крайние требовали, чтобы вовсе не было богатых и бедных через перераспределение благ. В Ремите эта ересь подвергалась жесточайшему искоренению, но дальше на запад упорно тлела. Отдельным еретикам удавалось прорываться через медвежскую границу, где их пока что принимали из ненависти к западным неверкам – извратителям православия. Люди это были низших сословий и такие же скрытные фанатики, как «истинники», что способствовало постепенному сближению.

Как уже сказано, Мелиден не собирался вступать в споры с женщинами, жившими в своём странном, но совершенном мире, сознание которых было полностью захвачено «духовной наукой» старцев-подвижников и спасением души через ежедневное чтение молитв с множеством поклонов по строгому порядку и сложной системой самоограничений. Насколько понял Мелиден, научили их этому во время скитского «исправления», на котором в молодости побывала и Тася.

Сам Мелиден тоже слышал еретического от своих висагетских учителей-книжечеев, однако их осторожные мнения были яснее и не требовали никаких ритуалов, напротив, отвергали их. Именно, что Тарлагин был обычным смертным пророком, а не сыном божьим и вместилищем святого духа (об этом говорили совсем обиняками, но понять можно было так), что нет божественной природы в иконах и мощах, которые лишь дерево с картинками и прах, что человеческая душа смертна и грядущий Страшный Суд с воскресением мёртвых – выдумки. Что монашество – глупость и мракобесие, а церковная иерархия имеет мирскую природу и противоречит писанию Тарлагина, заповеди которого просты, что божественны только безличные мировые законы, которые надо изучать и им следовать. Но знания эти не для слабых умов, и лучше их не разглашать кому попало, если хочешь сохранить голову на плечах.

Ему припомнился средиземский купец, в прошлом году пересказавший вольнодумному толмачу недавно выпущенную книгу заморского учёного, опирающуюся на древних мудрецов. В ней утверждалось, что земля – шар, а солнце, луна и звёзды не перемещаются по твёрдой небесной полусфере непостижимым божественным промыслом, но тоже шарообразные тела, вращающиеся по строгим законам в безмерном пустом пространстве. Причём древние заморские мудрецы смогли даже вычислить размер земного шара, наблюдая за углом падения солнечных лучей точно в полдень в глубоких вертикальных – по отвесу – колодцах, вырытых в удалённых городах с известным расстоянием между ними. Так якобы удалось вычислить кривизну земной окружности и хитрым геометрическим способом узнать поперечную длину земного шара.

Что было бы, попытайся он растолковать эти заморские теории блаженным начётчицам? Их даже в Висагете с трудом воспринимали немногие вольнодумцы, преимущественно из поживших за границей, в том же Грюте Великом. А здесь на окраине за подобные бредни, не иначе как поклонниками сатаны внушённые, вздумай он настаивать на них, последователи «строгого толка» могли взаправду «разъять по косточкам», как они постоянно грозились друг другу, уличая в разных грехах. И висагетская церковь их не одобряла. Лучше держаться подальше от этих мудрствований, кто бы ни мучил ими голову. Хотя любопытно, конечно. И что-то в этом рассказе о земном шаре есть.

Глава 11. Поле

А дальше всё складывалось точно так, как задумали Мелиден с Гиштасией. Словно их воля, стоило облечь её в ясные слова и планы, вдруг зажила материальной жизнью и стала подстраивать под себя услужливую реальность. Даже удивительно. А ведь столь многое могло бы с лёгкостью разрушить их замыслы. Магия какая-то, хотя никто вроде бы не гадал ни на черепащем панцире, ни на трилистнике по циноринской манере, не колдовал, и даже молиться по таким низменным поводам Тасья считала зазорным. Но их ли это была воля? Словно неведомая и невидимая сила несла их по таинственной стремительной реке, а они даже не пытались бороться с течением. Зачем он всё это делает? В чём его выгода? Неужели в том, чтобы совокупиться когда-нибудь с вчера ещё незнакомой девкой из глухомани, уже походившей по рукам. Вроде бы жил без неё недавно, мог бы прожить и впредь.

Хорошая девица, по справедливости, если бы не начётнический дурман в голове, но нельзя сказать, чтобы Мелиден ощущал страстную влюблённость, от какой страдал когда-то в юности. И жалостливым он никак не мог себя назвать, нищим никогда не подавал, порой и пинал с презрением. Что ему эти бабы? А вот поди ж ты. Словно морок какой-то. В то же время, – утешал себя Мелиден, – если судьба ведёт, и в самом деле не стоит упираться, а то потащит. Видимо, так задумано на небесах. Или даже начётническим «льстецом» – ему ли с ним бороться. Если всё равно нет никаких целей, надо идти, куда идётся. И у Тасьи не видно личной корысти в этом деле. Разве что еще поднимет авторитет среди «боголюбивых народов», но зато обзаведётся новыми врагами. Может взаправду прежние грехи замаливает? Деятельным искуплением.

Воевода вернулся с торгового уже через день после «совета в Сычугах». Вернулся недовольный – торг прошёл не слишком удачно. Опять разбойники ограбили купцов перед самым его носом, благополучно скрывшись с добычей. Конечно, такое происходило каждый торговый сезон, то есть в первую половину зимы, когда устанавливался санный путь, но до больших снежных заносов и пока было чем торговать. Однако обидно всё равно. Поэтому он встретил Мелидена холодно и укорил за опоздание. Снова Мелиден оправдывался, что не он опоздал, а их смена опоздала. Иначе бы он охотнее провёл время на торгу, чем лишние шесть дней в зимнем дозоре.

К счастью, воеводу быстро отвлекли другие дела, в том числе Аглавинин спор, о котором печатник Тунжа доложил почти сразу. Разбирательство решили не затягивать, тем более что братья Горбатые со своим батькой явились уже на следующий день после воеводы. Еще через два дня, на святую Фурсу, состоялось заседание воеводского суда. Как и можно было ожидать, оно свелось к голословным взаимным обвинениям сторон – Макара и Артома Горбатовых с одной, Аглавины и Гиштасии с другой. Тасья обвиняла братьев в насилии над Аглавиной, в убийстве её «мужа по божьей воле» (то есть невенчанного), в грабеже. Приводила каких-то свидетелей-единоверцев, указавших под присягой, что Артом строит дом и завёл торговлю на деньги, непонятно откуда взявшиеся сразу после убийства инока Ивтихана. Кроме того, ивтиханову лошадь видели во дворе у Горбатовых.

В ответ Макар и Артом заявили, что лошадь Ивтихана нашли в лесу и сами обвинили его в разных разбоях и в том, что соблазнил и увёл Аглавину против всех законов божьих и человеческих. А Макар сошёлся с ней по доброй воле и хочет закрепить первоначальное право на неё. На это Тасья заявила, что обвинения Ивтихана в разбоях – домыслы, что деньги ему жертвовали «боголюбивые народы» на скитские нужды и даже представила пару купцов-«истинников» в подтверждение, что в вопросе о насилии над Аглавиной надо верить самой Аглавине, а не мужику-насилынику. Тут Макар в запальчивости выкрикнул, что девку сбили с толку «новгородские раскольники» и она говорит с чужих слов. После чего обсуждение перешло

во взаимную брань, если верить писцовой памятке, которую можно найти в сундуке судебных грамот липенского воеводства.

В сенях шла своя работа. Воеводу, который сам вышел из семьи «истиннического» толка и не потерял к нему сочувствия, натравливали на пришлецов Горбатых. Слова Макара про «новгородских раскольников» его заметно покоробили. Но открыто выступить на стороне скитских стариц воевода, всё-таки назначенный митрополитской Висагетой, не решался. Ясно было только, что слова одной стороны идут против слов другой, и никто не может предъявить неопровержимых свидетельств. Также не вполне понятно было, какое наказание назначить виновным, если таковые есть. Аглавина требовала кары убийцам и грабителям Макару и Артому; за намеренное убийство свободного мужа налагалась пеня 10 гривен, но за священника вдвойне. За насилие над свободной порядочной женщиной налагалась пеня те же 10 гривен, но за насилие над уличённой в блуде – только 1 гривна. Братья своё насилие и участие в убийстве отрицали, хотя открыто называли его правым делом, и в свою очередь требовали выдать им Аглавину как беглую жену, пусть и невенчанную. И пеня за проигранный вызов на Божий суд составляла непомерные 10 гривен. Но когда прения зашли в окончательный тупик, Аглавина потребовала Божьего суда по старому обычаю.

– Есть ли у тебя заступник? – спросил, как положено, воевода Гаур.

– Есть, – отвечала Аглавина.

– Кто-нибудь из твоих братьев Гуциных решил заступиться или из земляков строгой веры?

– Нет, не они. Твой служилый дворянин Мелиден Варсин из Висагеты согласился постоять за мою честь.

– Мелиден? Кто он тебе? У него же вроде осталась жена в Висагете.

– За правое дело решил постоять божьим соизволением. Все знают, что он и в Висагете пострадал на защите вдовы.

Тогда воевода обратился к братьям Горбатым, согласны ли они на Божий суд. Макар немедленно ответил, что сразится хоть с чёртом, хоть с любым наёмником, если ему выдадут Аглавину. Однако Артом, уже прослышавший, кто такой Мелиден, пытался возражать, что не по закону выставить против простых мужиков стременного дворянина из Висагеты и бывшего великокняжеского гридня.

– Да, неравный получается бой, – вынужден был согласиться воевода, которому Божий суд очевидно пришёлся по душе. – Что скажешь, Мелиден-вдоволюбец? И не будет ли уроном для твоей чести драться с огнищанином, пусть вольным и крепкого рода?

– Пусть выходят вдвоём или втроём на меня одного, – спокойно отвечал Мелиден. – Тогда урона чести не будет и бой станет равным. С любым оружием, какое захотят, как заведено. Или пусть сами наймут кого-нибудь, если боятся встретиться лицом к лицу. Деньги у них теперь есть, если не заблуждаюсь. А я не отступлюсь.

– Так не принято, втроём на одного, не по закону. Ты хорошо ли подумал, Мелиден? Не слишком ли высоко себя ставишь, один против трёх мужей?

– Как ставлю, так и ставлю. А законом запрещено товарищам или холопам вступать в бой на стороне господина. Я же сам, по доброй воле и при свидетелях, согласен выступить один против троих обидчиков. На это запрет не прописан.

Тогда воевода, сохраняя важный вид, обратился к Горбатым с вопросом, согласны ли они на Божий суд на таких условиях, или всё-таки отступятся. Артом, заподозривший неладное, мялся, но Макар был решителен – раз чужаку жизнь не мила, пусть будет по его воле. И обратился к отцу Титу за разрешением. Тот с суровым видом дал согласие – пусть выступают разом Макар, Артом и еще один брат, Амал. Провести Божий суд решили через четыре дня, на 9-й день вьюговоя.

Как уже сказано, все эти дни Мелиден, отпущенный воеводой, проводил у Тасьи с Аглавиной, занимался по утрам на пустом огороде своим ремеслом, пока она при помощи Аглавины учила учеников, подкреплялся капустным супом с говядиной – любимым липенским блюдом, а вечер посвящал беседе. Мысль о составлении правовых грамот он отбросил, она и была полушуткой. Вопреки толкам, с Аглавиной они не блудили, тут обе стороны были тверды, хотя и по собственным извращённым соображениям. В это, понятно, никто не верил и Макер ярился, расхаживая по Липенску темнее тучи, как доносили доброхоты.

И вот настал назначенный день. Шёл лёгкий снежок, было не холодно, словно небесные силы покровительствовали испытанию. Собрались на так называемом мысу на той стороне Тадзены, внутри излучины напротив Водовзводной башни. Там на утоптанной площадке летом состязались борцы от каждого из городских концов – кто «унесёт круг». Имелся в виду круг зрителей, плотно обступавших ристалище. Начинали мальчишки, продолжали подростки, а большие мужи подходили к самому концу. Борьба же, в отличие от «деревенской» или «мужицкой» с захватом за пояс или в охапку, заключалась в том, что противники хватили друг друга за ворот, подшибая ногой.

На этот раз вокруг борцовской площадки на мысу стояли только знатные городские чины и боярские дети, а простой народ глядел через реку со стены – на валу, покрытом льдом, было не усидеть. Макер расположился в середине с большой рогатиной в руках и большим топором сзади за кушаком, на нём были короткий набойный кафтан с заклёпками снаружи, говорящими о железках внутри, плоский шлем, широкие порты в полоску сверху вниз и сапоги. Достаток у Горбатых имелся, но снаряжение говорило скорее об охотнике, чем о воине. С такой рогатиной и топором ходят на медведя, не на человека. Справа от Макара стоял Артом в подобном же наряде, но шлем был с кольчужной бармицей, из-под стёганки виднелась кольчуга до колен, в руках тяжёлая совня, а за поясом сабля. Амал же стоял слева, он единственный имел круглый деревянный щит, длинное копьё и топор. Все трое были рослые и широкоплечие, Макер и Артом даже выше Мелидена.

На этот раз Мелиден выставил наружу кольчугу с латными накладками, наручами и наколенниками, надел латные рукавицы и средиземский шлем, закрывающий затылок до загривка и щеки. Кольчуга была короткая, полы отстёгнуты от колец снизу и обернуты вокруг бёдер, где закреплены ремешками. Такой составной покроей, хотя и имел неудобства, но позволял использовать тот же доспех как для поездок верхом и сторожевой службы, когда полы пристёгивались, так и для поединков, когда они превращались в набедренники либо снимались вовсе. При поединках Мелиден предпочитал скорее ослабить защиту бёдер, чем уменьшать подвижность и лишиться возможности пинать ногами. На плече лежал огромный двуручный меч, на ремennom поясе с перевязью – короткий меч-«кошкодрал» слева и длинный узкий нож справа. Долго замерзать он не собирался, но попрыгал для разогрева, повёл плечами и глубоко вздохнул. Противников он не боялся, опасался только подсечек Артома сбоку по ногам.

Братья Горбатые помолились, а Мелиден стоял молча с отсутствующим видом, глядя поверх голов и вдыхая морозный воздух полной грудью. Воевода махнул рукой и начали сблизаться. Мелиден заметил, что Макер выступил вперёд, а Артом заходит шире сбоку – видимо, Макер отвлечёт внимание тычками рогатины, тогда как Артом в самом деле попытается с размаху подсечь его ноги совнёй. Что ж, раз они хотят так, надо ударить первым и с другой стороны – видно, что Амал самый неумелый из троих, и слишком они разошлись друг от друга. Держа меч от противника внизу в стойке «бастардного креста», Мелиден сделал стремительный поворот, отбил боязливо выдвинутое далеко вперёд копьё Амала и мгновенным подскоком сблизился. Амал пытался прикрыться щитом, но не успел – молниеносный тычок пробил верх его правой щеки и глубоко ушёл в череп, ломая кости и проникая в мозг. Мелиден резко отдернул меч и Амал тут же повалился, как подкошенный.

Не медля ни мгновения, Мелиден отбил сильный удар рогатины Макера, уклоном ушёл от другого рубящего; затем на согнутых ногах перетекающими друг в друга плавными рывками стал заходить Макеру с его левого бока – так, чтобы тот оказался между ним и Артомом. Деревенщина была сильна, но куда ей было соперничать с великокняжеским телохранителем в быстроте и точности движений. Пытаясь сохранить расстояние, Макер отскакивал и чуть не сбил с ног оказавшегося сзади Артома. Тут же используя эту заминку, Мелиден отбил очередной тычок маковой рогатины и в глубоком низком выпаде пронзил внутреннюю поверхность правой ляжки Макера с мгновенным отходом назад. Макер отчаянно пытался отмахнуться рогатиной от снова идущего вперед с его левой стороны противника, но еще отбив – и слегка изменив направление, клинок Мелидена вошёл ему точно в глаз. А Артом тем временем упёр в утопанный снег свою совню – что Мелиден заметил краем глаза, – и закричал воеводе, что признаёт Божий суд и готов выплатить пеню. Однако Мелиден в тот же миг оказался рядом и ударил его в сердце с такой силой, что меч пробил его стёганку со спрятанной под ней кольчужой, как тонкий холст.

Всё произошло так быстро, что неискущённая часть зрителей заметила только лихорадочные метания на поле с несколькими стремительными взмахами клинков, в ходе которых одно за другим повалились три тела, на чём всё закончилось. Основная их часть стала расходиться, обескураженная.

Со смертью одной из сторон в ходе Божьего суда дело закрывалось, то есть никакие пени нельзя было взыскать, они полагались лишь в том случае, если проигравшая сторона оставалась жива и признавала поражение (конечно, речь идёт о жизни собственно истца и ответчика, не о заместителях). Судебный сбор возлагался на проигравших совместно, то есть на Тита Горбатого как старейшину и главного домовладельца. На долю Мелидена, помимо возможной платы от замещаемой стороны (которая была сугубо частным делом договаривающихся), доставалось только снаряжение побежденных противников, в котором они были на поле. Он взял себе топор Макера и его сапоги, как запасные – они пришлись точно по ноге с учетом чулок и портянок. Рогатина ему показалась слишком длинной. Поэтому всё остальное снаряжение он здесь же уступил воеводе и Икуту Палачу за полцены, особо не торгуясь. Важнее было получить деньги сразу.

– Не по закону убивать сдающегося, – хмуро заметил воевода во время торга.

– Бой был не до признания, а до смерти. Эта гадука потом всадила бы мне нож в спину или устроила налёт на Аглавинину заимку. Надо было закончить с делом разом. Пусть платит пеню богу, или чёрту.

Немного спустя Мелиден продолжил:

– Миром он мог решать, пока не взял в руки оружие и не вышел в поле. А раз вышел, моя воля, пощадить или довести до конца. Другого бы пощадил, может быть, даже Макера, а про этого больно дурное говорят. Пусть у чертей милости просит, у меня и так кровников хватает.

Хотя всё свершилось вроде бы по желанию Гаура Воданига, старый воевода был почему-то безрадостен. Чувствуя нутром подходящий момент, Мелиден как бы невзначай брякнул:

– Не отпустите проводить девку на заимку? Как бы не заели её волки по лесам и болотам, или опять подстережёт какой-нибудь недруг. Получится, что зря старался.

– Езжай с глаз долой, – неприязненно ответил Гаур. – Если понадобится, вызову.

А вот окольный Икут, до того неизменно молчаливый в присутствии Мелидена, напротив, был весел и оживлён. Нетрудно догадаться, его радовало, что возможный соперник в борьбе за воеводские милости добровольно скрывается из Липенска. И бой ему понравился, не в пример прочим. Поэтому он одобрительно осклабил, когда в ответ на похвалы по поводу столь быстрой и лёгкой расправы над тремя противниками Мелиден небрежно бросил: «Да куда им, мужичью сиволапому. Было бы что в голове, заплатили бы пеню и сидели в своих Самосадах спокойно. Сказано ведь: не в свои сани не садись, коли не поп, так не суйся в ризы».

По липенскому судебнику именно окольный должен был следить за соблюдением правил на поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.